

Въ чужой странѣ.

По одной осенью—въ годъ Японско-Китайской войны былъ я командированъ въ гор. Гиринъ (Чуань-Чень). Цѣль моей командировки была чисто специальная, а потому я и умолчу о ней и прямо перейду къ изложенію того, что можетъ составить предметъ моихъ, такъ сказать,—неофициальныхъ воспоминаній.

Получивъ предписаніе отъ своего начальства, я съ мѣста началъ суетиться и горячиться, бѣгая по разнымъ канцеляріямъ и управленіямъ за всѣми необходимыми для путешествія бумагами и документами. Попутно съ этимъ разспрашивалъ я и о деньгахъ, которыя обращаются въ той странѣ, куда я ѣхалъ, и которыми необходимо было, слѣдовательно, запастись—и на этотъ счетъ, какъ это ни странно, на первыхъ же порахъ пришлось выслушать нѣсколько разнообразныхъ мнѣній и совѣтовъ, какъ это всегда и во всѣхъ случаяхъ, между прочимъ, бываетъ. Одни совѣтовали взять съ собою серебряныя рубли, другіе говорили, что надо имѣть только мексиканскіе доллары и больше ничего, третьи увѣряли, что кромѣ японскихъ долларовъ въ странѣ не обращается никакой другой монеты; и тутъ же эти люди, чтобы поддержать свой авторитетъ, начинали увѣрять меня въ томъ, что они и сами неоднократно бывали и въ Маньчжуріи, и въ Китаѣ, рассказывали даже нѣкоторыя происшествія, бывшія съ ними во время ихъ путешествій, знакомили меня съ порядками, въ странѣ существующими, словомъ: старались выказывать себя знатоками, не могущими подать несообразный совѣтъ. Нѣкоторые увѣряли, что необходимо взять съ собою только серебро въ слиткахъ, ставя такимъ образомъ крестъ и надъ рублями, и надъ долларами; были наконецъ и такіе „знатоки“, которые ставили кре-

сты вообще надъ всѣми денежными знаками и совѣтовали замѣнить ихъ простой и хорошей пагайкой, съ помощью которой, якобы, все, что угодно, можно раздобыть во всѣхъ концахъ Китая.

Всѣ эти „знатоки“, совѣтчики и преподаваемые ими совѣты не могли не показать нашей малой любознательности въ отношеніи изученія и знакомства съ пограничной съ нами страной и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—не могли не убѣдить каждого въ нашемъ симпатичномъ національномъ добродушіи, потому что во всѣхъ этихъ совѣтахъ, если даже и не было правды по отношенію къ тому вопросу, на который они должны были отвѣчать, то была все же цѣнная и симпатичная правда русскаго добродушія, въ силу какового русскій человѣкъ, если даже и не вполне освѣдомленъ относительно того, о чемъ вы у него спрашиваете, то все же онъ постарается хоть чѣмъ-нибудь выразить свое сочувствіе къ вашему затруднительному положенію.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ пришлось ограничиться только лишь проявленіями этого сочувствія и не получить отъ этого ничего опредѣленнаго по части разрѣшенія интересующихъ меня вопросовъ, то я и рѣшилъ на мѣстѣ денегъ не мѣнять, а предварительно выяснить этотъ вопросъ у нашего пограничнаго комиссара—въ Новокиевскомъ.

Былъ и другой вопросъ, который ставилъ меня въ такое же затруднительное положеніе: будучи мало знакомъ съ климатическими условіями той страны, куда мнѣ надлежало держать путь, я не зналъ—какъ поступить съ вопросомъ по поводу собственнаго обезпеченія теплой одеждой. Зналъ я только то, что весь путь мнѣ придется совершить верхомъ и такъ какъ слишкомъ уже теплая одежда обыкновенно отягчается и соотвѣтствующей громоздкостью, отнюдь не способствующею этому способу передвиженія, то правильное и вполне соотвѣтствующее обстоятельствамъ разрѣшеніе этого вопроса было для меня весьма важнымъ обстоятельствомъ.

Не успѣлъ я объ этомъ заикнуться, какъ сейчасъ же на помощь мнѣ явились снова „знатоки“,—снова начались самыя искреннія увѣренія въ томъ, что они неоднократно путешествовали и по Маньчжуріи, и по Китаю и чуть ли даже не по Тибету, видѣли даже столицу Далай-Ламы и многія другія чудеса и диковинки; что же касается до такихъ пустяковъ, какъ климатическія условія страны, то, конечно, они ихъ изучали и „прекрасно“ знали и проч. и проч. Но только въ концѣ концовъ выходило такъ, что если бы, при разрѣшеніи этого во-

проса, руководствоваться всѣми преподаанными совѣтами, то пришлось бы взять съ собою приблизительно около 10 пудовъ равнаго теплаго хлама, для перевозки котораго и пришлось бы воспользоваться всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи средствами, заключающимися только лишь въ двухъ маленькихъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ лошадакъ забайкальской породы.

Помню, одинъ изъ такихъ „знатоковъ“ совѣтовалъ мнѣ взять съ собою теплое пальто на мерлушкѣ, поверхъ котораго обязательно еще надлежало надѣвать огромный мѣховой тулупъ, съ громаднымъ воротникомъ, который, будучи поднятъ и закрученъ на уровнѣ шеи башлыкомъ, или шарфомъ, совершенно плотно закутаетъ голову и не пропуститъ вѣтра.

— Да вѣдь, позвольте, протестовалъ я, — въ такихъ „путахъ“ и на сѣдло не вскарабкаешься!

— А казаки зачѣмъ:—они васъ подсадятъ и будете сидѣть.

— И воротникъ непременно поднимать слѣдуетъ?

— Непременно, иначе продуетъ; и не только поднимать, но и завязывать, какъ я уже сказалъ, чтобы не опустялся.

— Но тогда ни впередъ, ни по сторонамъ и смотрѣть невозможно будетъ.

— Да это лишнее. Зачѣмъ вамъ смотрѣть. Лошадь вашу какъ въ поводу поведетъ, а вы сидите себѣ. По опыту говорю вамъ, иначе невозможно путешествовать: климатъ слишкомъ суровъ.

Сбитый окончательно съ толка, и рѣшивъ уже дѣйствовать на свой страхъ и не обращаться уже ни къ кому за разъясненіями и за совѣтами, я купилъ себѣ только легкое и теплое пальто, рассчитывая на то, что если въ немъ будетъ холодно ѣхать верхомъ, то уже навѣрно будетъ легко и тепло идти пѣшкомъ. Во время самаго путешествія, я убѣдился въ томъ, что подобное рѣшеніе было вполнѣ цѣлесообразное.

Ѣхать въ страну, гдѣ русскій языкъ совершенно никому не извѣстенъ (за весьма малыми исключеніями), конечно, нельзя безъ переводчика. Что же касается до извѣстныхъ книжечекъ, въ которыхъ съ помощью русскаго алфавита написаны самыя, якобы, общеупотребительныя фразы, конми, по мнѣнію авторовъ этихъ книжекъ, должны непременно обмѣниваться люди, въ первый разъ другъ съ другомъ встрѣчающіеся, то такими могутъ запасаться въ дорогу люди уже слишкомъ доверчивые, убѣжденные въ томъ, что стоитъ только прочесть по этой книжкѣ какую-нибудь фразу, въ родѣ напримѣръ: Лиджеръ-

дау-Нингута-ю-до-шау-ли-ди (сколько вереть отсюда до Нингута), то китаецъ сейчасъ же и пойметъ о чемъ его спрашиваютъ, и даже не только пойметъ, но и умиантается передъ умѣніемъ иностранца разговаривать съ нимъ по какой-то книжкѣ. Не тутъ-то было. Не пойметъ онъ васъ, хотя-бы вы эту фразу читали бы ему 10—20 разъ—(конечно, есть такія фразы, которыя онъ быть можетъ и сразу пойметъ, но онѣ составляютъ собою исключенія). Онъ будетъ добродушно посмѣиваться и заглядывать вмѣстѣ съ вами въ книгу и будетъ лепетать вамъ какой-то непонятный вадоръ, въ которомъ не только трудно уловить отдѣльныя слова, но даже и звуки,—настолько они не обычны для непривычнаго уха. Вообще китайскій языкъ очень труденъ какъ для произношенія, такъ и для пониманія, и почти незамѣтные и неуловимые для уха оттѣнки очень не рѣдко мѣняютъ кореннымъ образомъ смыслъ словъ; передать правильно многія китайскія слова съ помощью русскаго алфавита невозможно, за неимѣніемъ въ этомъ алфавитѣ соответствующихъ знаковъ для обозначенія многихъ почти неуловимыхъ звуковъ.

И такъ, мнѣ необходимъ былъ переводчикъ.

Изъ русскихъ, живущихъ на нашемъ крайнемъ востокѣ, есть не мало владѣющихъ довольно сносно китайскимъ языкомъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать со мною: время года было позднее, способъ же передвиженія—не совсѣмъ удобный,—тѣмъ болѣе на холодѣ; къ тому же и значительнаго денежнаго вознагражденія я, за неимѣніемъ на это достаточныхъ средствъ, не могъ дать, и пришлось, такимъ образомъ, искать переводчика между живущими во Владивостокѣ китайцами. Снова обратился я за совѣтомъ къ свѣдущимъ по этой части людямъ, и мнѣ очень любезно пообѣщали прислать „сегодня же вполне подходящаго и умѣлаго“ переводчика. Отъ удовольствія, что такъ скоро удалось разрѣшить этотъ вопросъ, я даже руки потирать началъ и ждалъ появленія моего спутника съ нетерпѣніемъ.

И вотъ, онъ, наконецъ, пришелъ, и между нами произошелъ такой разговоръ.

— Здравствуй!

— Задаляеству (протягивается грязная рука, которую я съ радостью пожимаю).

— Хорошо говоришь по-русски?

— Така, моя мала-мала шалтай-болтай люгни.

— Вотъ мнѣ нужно въ Гиринь ѣхать, такъ не желаешь ли ѣхать со мною за переводчика?

— Дилинъ, мой знай Дилинъ-Шинка холоса Дилинъ (очень хорошъ Гиринь).

— Ну, а переводчикомъ-то при мнѣ хочешь быть? вопрошаю и снова и тутъ же начинаю замѣчать, что лицо моего собесѣдника принимаетъ растерянное выраженіе; онъ молчитъ и мнется.

— Переводчикомъ хочешь быть? Сколько возьмешь въ мѣсяцъ за то, что будешь переводчикомъ?

— Пелевотика — моя не знай пелевотика; моя таки мала-маза шалтай-болтай люски; моя не знай пелевотика.

Вижу, что толку отъ этого молодца добиться трудно, такъ какъ на одномъ „шалтай-болтай“ далеко не уѣдешь, но, тѣмъ не менѣе, стараюсь объяснить все это смущеніемъ моего собесѣдника и, дабы подбодрить его, начинаю поддѣлываться подъ его жаргонъ и говорю: моя Гиринь ходи; китайски моя не говорю; твоя китайски человекъ—китайски скажи, что моя русски говори.

— Э... э... э... шанго, шанго; тунда, тунда (хорошо; понимаю, понимаю) подхватываетъ мой собесѣдникъ съ радостной улыбкой.

— Одинъ мѣсяцъ сколько рубли твоя бери?

Непродолжительное размышленіе — и за тѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ:

— Одинъ мѣсяцъ—сыто люблю, говоритъ онъ и, чтобы быть болѣе повѣрнымъ, выставляетъ передо мною свои грязныя ладони, съ торчащими врозь пальцами и десять разъ двигаетъ этими ладонями по направленію моего лица.

— Это значить сто рубли?

— О-э-сыто любли; одинъ мѣсяцъ сыто любли.

Беру осторожно за плечи и, поверотивъ лицомъ къ двери, указываю на таковую моему собесѣднику и онъ молча исчезаетъ, понявъ сразу, что дальнѣйшіе переговоры будутъ излишны; я же остаюсь одинъ, какъ говорится: „при пиковомъ интересѣ“.

Въ концѣ концовъ всѣ хлопоты мои во Владивостокѣ окончились почти полнѣйшей неудачей: денежный вопросъ я, въ виду сбавчивости показаній, не выяснилъ, переводчика не нашъ и единственное, въ чемъ я имѣлъ успѣхъ—это въ полученіи изъ разныхъ канцелярій и управленій всѣхъ необходимыхъ для путешествія бумагъ и съ этимъ — только съ этимъ я очутился утромъ провозглаго осенняго дня на палубѣ па-

рохода „Новикъ“, который стоялъ подъ парами, покачиваясь на мутныхъ волнахъ „Золотого рога“, готовый къ отплытію въ Посъеть. Было пасмурно. Дулъ свѣжій осенній вѣтеръ и накрапывалъ мелкій и холодный дождикъ, пополамъ со снѣгомъ. Всюду и ва всемъ лежалъ отпечатокъ тяжелой и давящей тоски,—вѣрной спутницы ненастной осени. Японцы-матросы бродили по палубѣ съ понурымъ и хмурымъ видомъ; ихъ обыкновенное оживленіе и подвижность также видимо уступили мѣсто этой ненастной апатіи. Вѣроятно, они теперь съ грустью вспоминали про чудную природу своей родины, вѣчно зеленой и вѣчно согрѣтой и облакканной солнечнымъ лучемъ; они, вѣроятно, теперь сравнивали природу своей родины съ природою погруженнаго въ осеннюю мглу уголка нашей страны. Паръ, со злобнымъ шипѣніемъ вырывающійся откуда-то снизу, равными ключьями метался въ разныя стороны, какъ бы ища себѣ пріюта, но, не находя такового, таялъ и исчезалъ, не желая, вѣроятно, даже и смотрѣть на эту отвратительную осеннюю слякоть.

Стоять на палубѣ въ надеждѣ найти что-нибудь интересное въ окрестныхъ видахъ мнѣ не хотѣлось, да и заботы по предстоящему путешествію не давали какъ-то возможности сосредоточиться на чемъ-нибудь постороннемъ. Хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, чтобы немного разсѣять свою тоску, и я пошелъ въ каюту, надѣясь хоть тамъ кого-нибудь встрѣтить, но и тутъ ничего веселаго я не встрѣтилъ. Общество составляли: полупьяный казакъ, который какъ-то сразу и ни съ того ни съ сего началъ увѣрять прочихъ пассажировъ, что водка для него—смерть, въ отвѣтъ на что пассажиры старались не смотрѣть на него и даже отворачивались, а онъ, вертя головой, продолжалъ бурчать себѣ подъ носъ и настаивать на томъ, что для него водка и смерть—синонимы и безпрестанно подливая въ рюмку изъ полуопорожненной бутылки. Тутъ же сидѣлъ какой-то грязный и плотный мужчина, оказавшійся впоследствии богатымъ гуртовщикомъ; былъ какой-то пожилой китаецъ въ шелковой кофтѣ и еще нѣсколько неопредѣленныхъ личностей. Такъ въ этой компаніи и пришлось доплыть до Посъета, куда пароходъ прибылъ уже къ вечеру.

Дѣломъ, въ хорошую погоду Посъеть очень живописенъ. Прилегающіе къ нему холмы покрыты тогда изумрудной зеленью, и въ тихо колышущіяся волны смотрится тогда безконечно далекое—лазурное небо. Маленькіе, бѣленькіе домики, разбросанные въ безпорядкѣ группами по склонамъ горъ, смо-

трать привѣтливо и радостно, и во всемъ тогда видна вѣсь какая-то тихая уютность, такъ умиротворительно дѣйствующая всегда на душу. Иной разъ „и скучно, и грустно, и некому руку подать“, а встрѣтишь такой тихій и уютный уголокъ—и грусти какъ не бывало; начинаешь снова все любить и во всемъ находить радость и счастье.

Но теперь Посѣтъ былъ мраченъ. Онъ закутался въ промонглую сырую пелену особеннаго тумана, и гористые берега моря смотрѣли мрачно. Долго не выдерживаясь, я нанялъ лошадей и поѣхалъ въ Новокіевское, до котораго считается только шесть верстъ. Дорога все время тянется до берегу залива — по склонамъ безлѣсныхъ и лишенныхъ всякой растительности холмовъ. Было уже совершенно темно, когда тележка моя захлопала своими колесами по лужамъ и грязи, покрывающимъ немощеныя улицы этого урочища, населеннаго почти исключительно военнымъ элементомъ. Такъ какъ ни гостиницъ, ни постоянныхъ дворовъ въ то время въ урочищѣ не было, то я и рѣшилъ ѣхать незваннымъ гостемъ къ одному знакомому офицеру, утѣшая себя той мыслью, что и всякій на моемъ мѣстѣ не могъ бы не потревожить своимъ незваннымъ посѣщеніемъ того, или другого изъ своихъ знакомыхъ.

Здѣсь пришлось мнѣ пробить цѣлую пещеру, и за это время были окончательно выяснены всѣ тѣ вопросы, надъ которыми тщетно приходилось ломать голову во Владивостокѣ. Оказалось, что по Маньчжуріи можно было свободно путешествовать, имея съ собою серебряныя рубли, которые всегда можно было равмѣнять на вѣсовое серебро въ любомъ изъ городовъ;—объ этомъ мнѣ сообщили въ канцеляріи пограничнаго комиссара. Былъ такъ же нанятъ я переводчикъ—вѣскій Чанъ-фу, человѣкъ съ довольно хитрой физиономіей и съ огромной и толстой косою. Этотъ Чанъ-фу, хотя и не важно говорилъ по-русски, но дѣлать было нечего: приходилось мириться съ тѣмъ, что нашель; и за это—слава Богу. Прибыли сюда же и шесть казаковъ, на своихъ крѣпкихъ и мохнатыхъ забайкальскихъ лошадакахъ. Эти казаки были назначены мнѣ въ конвою, и о нихъ я еще скажу въ свое время, а теперь упомяну про тѣ запасы, которые были приобрѣтены для путешествія. Многого, конечно, нельзя было брать, такъ какъ весь грузъ, который можно было поднять на двухъ вьючныхъ лошадахъ, не долженъ былъ превышать 12 пудовъ и въ виду этого было взято только самое необходимое, какъ-то: крупа, масло, сушеная зелень, спиртъ, свѣчи, пудъ сухарей, ирричный чай, запасныя подковы, бу-

мага и книги, и все это составило вышеозначенный предѣльный грузъ. Все взятое, за исключеніемъ, пожалуй, спирта, дѣйствительно оказалось необходимымъ въ пути, такъ какъ ни гречневой крупы, ни масла, ни всего прочаго достать было нельзя. Что касается, напримѣръ, масла, то въ Китаѣ не только его, но даже и молока невозможно достать ни за какія деньги, потому что, повидимому, китайцы считаютъ предосудительнымъ дѣломъ отнимать у животныхъ ихъ молоко и тѣмъ лишать ихъ дѣтенышей предназначеннаго имъ природою питанія. Китайцы употребляютъ въ пищу исключительно только растительныя масла—травяное, бобовое и т. п. Что касается спирта, то можно было не брать его съ собою, такъ какъ имѣлась полная возможность получить почти всюду китайскую водку—сулю, которая вполнѣ можетъ замѣнить собою спиртъ. Считаю не лишнимъ упомянуть про то снаряженіе, которое было у каждаго изъ насъ и которое оказалось вполнѣ практичнымъ и удобнымъ для путешествія: у меня было пальто изъ сѣраго солдатскаго сукна, подбитое слегка ватой, кожаныя мѣховыя шаровары, мѣховыя легкіе сапоги, мохнатая сибирская папаха и башлыкъ. Подобное снаряженіе оказалось удобнымъ, легкимъ и теплымъ, и мнѣ кажется, что я имѣю полное право посоветовать запасаться именно подобнымъ снаряженіемъ всѣмъ тѣмъ, кто долженъ будетъ отправиться въ далекое зимнее путешествие верхомъ. Мои казаки имѣли ихъ форменное снаряженіе и вооруженіе, за исключеніемъ только сапогъ, каковыя были замѣнены теплыми сибирскими чибгами, во въюкѣ, каждый казакъ имѣлъ новый и хорошій полушубокъ. Одинъ только Чанъ-фу отличался отъ насъ своимъ костюмомъ и своимъ снаряженіемъ и въ то время, какъ никто изъ насъ не имѣлъ даже и намека на какую бы то ни было постельную принадлежность, онъ ни за что не хотѣлъ разстаться со своей мягкой подушкой съ красной наволокою; эту подушку онъ всегда приторачивалъ поверхъ сѣдла и возсѣдалъ на ней съ важностью китайскаго богдыхана. Позади подушки у него была приторочена большая овечья шуба, которую онъ въ вѣтряную погоду съ трудомъ напяливалъ на множество ватныхъ кофтъ и подкофтъ,—юбокъ и подъюбокъ, составляющихъ его странный, но уклюжій и невозможный для верховой ѣзды костюмъ, въ которомъ онъ напоминалъ какую-то бабу-торговку, или старьевщицу, но уже ни коимъ образомъ—не мужчину. Его фізіономія, лишенная всякой растительности, принадлежала къ категоріи такихъ, на которыя посмотришь, усумнишься и подобно

Чичикову, встрѣтившему Плюшкина, начнешь самъ себя во-
прошать: „Ой баба—ой вѣтъ. Конечно—баба“ и т. д.

Заговоришь про Чанъ-фу, такъ ужъ заодно буду продол-
жать о немъ и постараюсь познакомить съ нимъ читателя.
Чанъ-фу, или Чанъ-цо, какъ называли его казаки, произвелъ
на меня на первыхъ порахъ не совсѣмъ благопріятное впечат-
лѣніе. Очень уже онъ началъ сразу лебезить и выхвалять мнѣ
свою честность и знаніе русскаго языка. Но уже по одному
тому, что онъ зналъ русскій языкъ немногимъ лучше, чѣмъ
тотъ „шалтай болшай“, съ которымъ я познакомился во Вла-
дивостокѣ, можно было заключить, что и во всемъ прочемъ
онъ способенъ хвастливо лгать и будетъ обманывать меня при
каждомъ удобномъ случаѣ, а эти случаи могли встрѣтиться ему
на каждомъ шагу, такъ какъ всѣ денежные расчеты (за по-
стой и за фуражъ) съ хозяевами постоялыхъ дворовъ велись,
конечно, черезъ него, какъ черезъ единственнаго „истолкователя
нашихъ мысленій“ при всѣхъ общеніяхъ съ обывателями.
Спросить, положимъ, хозяинъ постоялаго двора, за все взятое
во время ночлега, известную сумму, и ничто не могло мѣшать
Чанъ-фу увеличить эту сумму по собственному произволу и
извлечь отъ этого подобающій гешефтъ, тѣмъ болѣе, что всѣ
денежные расчеты производились почти исключительно на вѣ-
совое серебро. Почти каждый разъ при такихъ расчетахъ
Чанъ-фу начиналъ меня увѣрять, что онъ служить честно и
безкорыстно, но этимъ онъ какъ-то еще больше подрывалъ къ
себѣ довѣріе. Бывало, скажетъ съ особеннымъ какимъ-то вздо-
хомъ: „О, барыня, мой шника холоса человекъ; чужой деньги
моя бери вѣтъ; другой чужой деньги бери, моя вѣтъ бери“,
такъ почему-то сейчасъ же и начинаешь думать, что все это
не такъ. А онъ скажетъ и еще разъ глубоко и тоскливо вдох-
нетъ и даже иной разъ поохаетъ, какъ бы давая этимъ по-
нять, что ему очень тяжело говорить мнѣ объ этомъ, но что
онъ принужденъ говорить потому, что люди, къ сожалѣнію,
плохо вѣрятъ въ честность себѣ подобныхъ и въ самомъ чест-
номъ человекѣ, каковымъ онъ выставлялъ въ данномъ случаѣ
себя, способны видѣть вора и мошенника.

Его обращеніе со мною было самое вѣжливое, но почему-то
мнѣ всегда казалось, что эта вѣжливость напускная и что онъ
на самомъ дѣлѣ не симпатизируетъ мнѣ, потому что, будучи
хитрымъ, онъ не могъ не понять, что эта хитрость, которую
онъ всегда думалъ скрыть отъ меня подъ маскою заискиванія
и чреамѣрной вѣжливости,—уже разгадана. Называлъ онъ меня

то Вашимъ Превосходительствомъ, то капитаномъ; чаще же всего просто барыней; и почему барыней, а не бариномъ,—про это не знаю. Каждый разъ я его поправлялъ, не барыня, а баринъ и все-таки это не помогало и до самаго послѣдняго дня нашего знакомства я остался въ его понятіи—„барыней“. По-русски онъ говорилъ не важно, хотя при первомъ знакомствѣ мнѣ и показалось, что онъ говоритъ довольно сносно, что произошло отъ того, что разговоръ нашъ дальше самыхъ обыкновенныхъ фразъ, имѣющихъ цѣлю обусловить наши взаимныя отношенія въ будущемъ,—не шелъ, но чѣмъ больше я общался съ нимъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что онъ не подготовленъ къ принятой на себя обязанности. Наиболѣе употребляемыя и любимыя имъ, при всякихъ разговорахъ слова были: „уважайте и учыни“ (уважать и учить), и этимъ послѣднимъ словомъ онъ почему-то особенно кичился, вставляя его всюду въ разговоръ и очень часто, конечно,—ни къ селу, ни къ городу.

Въ общемъ же, несмотря на всѣ эти недостатки, онъ все же для меня былъ полезенъ и старательно несъ свою службу какъ переводчикъ, за что, конечно,—спасибо ему. Не вспоминаю его лихомъ за то, что, быть можетъ, онъ и обсчиталъ меня на нѣсколько десятковъ рублей. Соблазнъ былъ для него слишкомъ великъ и необыченъ; нужда же, среди которой онъ влачилъ свое существованіе—и еще того больше, въ виду чего строгій судъ надъ темнымъ человѣкомъ при такихъ условіяхъ едва-ли возможенъ.

Шесть казаковъ забайкальцевъ были остальными моими спутниками. Всѣ они были симпатичные и славные люди, расторопные, смѣлые, слышленные и лихіе наѣздки. За старшаго въ командѣ былъ урядникъ Дементьевъ, — красивый и статный брюнетъ, съ закрученными къверху, небольшими усиками и съ лихо заломленной на правое ухо папачой. Прочихъ казаковъ звали: Дементьевъ, Кавалистъ, Жаркой, Замбаевъ и Злыгостевъ. Самымъ симпатичнымъ изъ всѣхъ ихъ былъ Дементьевъ — однофамилецъ съ урядникомъ. Это былъ блондинъ съ выразительными и добрыми синими глазами, очень положительный, скромный и молчаливый. Всѣ казаки относились къ нему, видимо, съ большимъ почтеніемъ, и его авторитетъ въ ихъ глазахъ повидимому имѣлъ больше вѣса, нежели авторитетъ урядника—его однофамильца. Послѣдній былъ большой поклонникъ женскаго пола, и всѣ жизненные интересы сводилась у него къ изученію „науки страсти вѣжвой“. Бывало, встрѣтятся гдѣ-нибудь на дорогѣ безобразная и грязная пред-

ставительница прекраснаго пола, и казаки, негодуя на ея безобразіе, начинаютъ отплевываться, какъ отъ „вечистой силы“, а онъ, подкрутивъ свой усъ, не преминетъ подмигнуть ей глазкомъ.

Кавалистъ былъ острякъ, весельчакъ и малый, какъ говорится: „на всѣ руки“. Всегда, во время дороги, сыпались его шутки и остроты и, благодаря этому, веселое настроеніе очень рѣдко покидало казаковъ—и безпрестанно слышался ихъ здоровые смѣхъ, такъ что завидно даже становилось, глядя на ихъ веселую компанію. Много пользы приносятъ такіе люди въ солдатской средѣ; ихъ остроты заставляютъ забывать и голодъ, и холодъ, и „прочія солдатскія нужды, которыя порою бываютъ неизбежны“.

Жаркой обладалъ очень недурнымъ теноромъ, и часто бывало его развеселая пѣсня оглашала окрестность; къ нему нерѣдко присоединялись и другіе, и тогда начинала звучать своеобразная забайкальская мелодія, то безконечно грустная, угрюмая и тяжелая—то размашистая и разухабистая. Замбалзевъ былъ бурять, что не могло, конечно, мѣшать какой-то особой душевной мягкости, скромности и симпатичности этого человека, мнѣ онъ даже казался красивымъ, несмотря на свои раскосые глаза и выдающіяся скулы. Онъ былъ прекрасный наѣздникъ и джигитъ—по всей вѣроятности—одинъ изъ первыхъ среди казаковъ своего полка. Его черные, какъ смоль, волосы и смуглый цвѣтъ кожи почему-то всегда смущала китайцевъ, которые дарили его большимъ вниманіемъ, нежели прочіихъ казаковъ, считая его не за русскаго казака, а за переодѣтаго корейца (кауля). Злыгостевъ зналъ кузнечное мастерство и, какъ почти всѣ люди этой профессіи, онъ былъ мраченъ и угрюмъ. Свое мастерство онъ не только зналъ, но даже любилъ и увлекался имъ—и самымъ любимымъ его занятіемъ было—ковать и перековывать лошадей. Иной разъ казалось бы смѣло можно было бы ограничиться „подтягиваніемъ“ начавшей „хлябать“ у какой-нибудь изъ лошадей подковы, анъ, смотришь:—пришли на приваль, и Злыгостевъ достаетъ уже свой „струментъ“, отдираетъ клещами подкову и пригоняетъ ее заново.— Да ты бы, парень, только подтянулъ бы ее,—нашто перековываешь,—говорятъ ему казаки, закуешь еще неровень часъ. Но Злыгостевъ даже не удостоиваетъ отвѣтомъ вопрошающаго; онъ работаетъ молча и проворно, а иногда вмѣсто отвѣта даже прикажетъ этому вопрошавшему подержать лошадь, что послѣдній и исполнялъ всегда безпрекословно.

3-го ноября, въ три часа пополудни, мы, наконецъ, вполне снаряженные, покинули Новокиевское. Не обошлось, конечно, при этомъ безъ добрыхъ пожеланій и напутствій со стороны некоторыхъ знакомыхъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, и теперь мнѣ почему-то хотѣлось вѣрить, что всѣ эти пожеланія были совершенно искренни и правдивы. Мы отправлялись путешествовать въ не совсѣмъ спокойное время и въ страну, которая испытывала уже тягость неудачной войны съ японцами. Будучи уже неоднократно побиты на поляхъ сражений, китайцы, въ силу своей особой подозрительности, начинали подозревать, что они воюютъ не съ одними только японцами, но что въ рядахъ ихъ враговъ противъ нихъ идутъ и другіе народы и по преимуществу—русскіе. И вотъ, по мнѣнію китайцевъ, всѣ тѣ пораженія, которыя они уже потерпѣли, надлежало приписать помощи этихъ постороннихъ войскъ, т. е. одни японцы, по ихъ мнѣнію, были настолько слабы, что никоимъ образомъ не были бы въ состояніи побѣдить ихъ храбрыхъ солдатъ. Такіе толки, помню, въ то время были распространены среди китайскаго населенія, живущаго въ предѣлахъ Уссурийскаго края; ходили они въ еще большей степени, какъ я и убѣдился въ этомъ,—и въ предѣлахъ Маньчжуріи, гдѣ не только простой народъ вѣрилъ этимъ бреднямъ, но даже и власти были склонны придавать имъ подобающее значеніе. Конечно, путешествовать при подобномъ условіи по этой странѣ было не такъ уже безопасно, какъ по какой-нибудь Тамбовской губерніи.

Объ этомъ, между прочимъ, говорила и полученная мною инструкція, которой предписывалось соблюдать величайшую во всемъ осторожность, отнюдь не навлекая на себя какихъ бы то ни было подозрѣній въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Мы тронулись въ путь. Солнце уже сильно клонилось къ горизонту и было прохладно. Желтая высохшая трава, колеблемая вѣтромъ, безжизненные склоны горъ, одинокіе стога—невеселая кругомъ была картина.

До горы „Леденіуса“, отстоящей въ 6—7 верстахъ отъ Новокиевского, насъ проводилъ генеральнаго штаба капитанъ С., у котораго я прожилъ цѣлую недѣлю и съ которымъ сошелся, какъ съ роднымъ. На вершинѣ горы мы съ нимъ расстались; онъ поѣхалъ обратно, а я сразу какъ-то почувствовалъ полнѣйшее одиночество. Что-то какъ бы оторвалось въ душѣ, когда уѣхалъ отъ меня этотъ хорошій человекъ и славный товарищъ. На вершинѣ горы тянуло холодный и рѣзкій вѣтеръ, но, спу-

стившись къ подошвѣ на противоположную сторону, мы очутились среди невозмутимой тишины. Снова высохшая, желтая трава, снова безжизненная, всхолмленная окрестность, и только далеко-далеко рисуются синеватымъ, мощнымъ силуэтомъ красивыя горныя панорамы; но и тамъ, я знаю,—нѣтъ жизни; и тамъ та же безмолвная пустыня, которую огласить иной разъ только орелъ своимъ дикимъ влечкомъ, да зареветь я зарываетъ голодный тигръ—царь здѣшнихъ равнинъ и горъ, покрытыхъ глухими лѣсами. Нѣтъ тамъ,—на этихъ далекихъ горахъ, жилья человѣческаго. Не наполнилъ еще человѣкъ собою настолько землю, чтобы оживить и пробудить отъ безконечнаго сна многіе уголки на ея поверхности. Надъ этими далекими горами повисла тяжелая и мрачная туча, и казалось, что она настолько тяжела, что даже эти мощныя горы повисли подъ ея тяжестью. Солнце садилось, и вотъ уже послѣдній лучъ скользнулъ по землѣ,—скользнулъ и потухъ. Мракъ мало-по-малу спускался на землю, распространяя всюду холодную и мертвящую дрему.

Что-то тамъ ждетъ насъ за этими далекими, синими горами? Тамъ за ними живетъ народъ—своеобразный, оригинальный;—живетъ онъ не одну тысячу лѣтъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сосѣдями, для которыхъ не перестаетъ быть загадкой. Онъ отказался отъ общенія съ вѣшнимъ міромъ, какъ отказывается отъ него какой-нибудь философъ, или мыслитель, ушедшій въ міръ своихъ думъ. Онъ оберегаетъ свое жилище отъ посѣщеній постороннихъ людей, которые, если и являются къ нему, то только лишь, какъ непрощенные гости—и онъ давно уже заперъ двери этого жилища и огородилъ его огромной каменной стѣной, которая протянулась на тысячи верстъ на удивленіе народамъ; и они, удивленные и охваченные любопытствомъ проникнуть за эту громадную стѣну, сѣмѣли найти въ ней проходы и подобрать ключи къ запертымъ дверямъ и, сдѣлавъ это, они тысячами повалили въ жилище этого замкнутаго философа, повалили ватѣмъ, чтобы нарушить его покой и помѣшать ему думать его вѣрную думу, съ которой онъ уже сроднился, потому что жилъ ею въ теченіе тысячелѣтій.

Кавакн мои были молчаливы и мрачны; не было слышно въ этотъ первый день похода ни шутокъ, ни разговоровъ, и лишь только топотъ лошадиныхъ ногъ о промерзлую почву дороги нарушалъ безмолвіе и тишину спускавшейся ночи.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло. Горы совершенно скрылись за дымной пеленой, которая какъ-то быстро выдвинулась въ по-

кромѣ сумрака, и тѣнь земная, скользя по небесному куполу, сдернула съ него покрывало, изъ подъ котораго и замерцали бевчисленныя—далекія звѣзды. Гдѣ-то далеко-далеко, извиваясь огненными змѣями по невидимымъ склонамъ горъ, пылали пады, и чудилось, что эти огненные змѣи летятъ на землю откуда-то изъ безконечнаго пространства, дабы поглотить ее въ пламени. Было чѣмъ любоваться въ этой мрачной, но прекрасной картинѣ.

Уже поздно вечеромъ мы прибыли къ мѣсту стоянки сотни приморскаго коннаго дивизіона, находящемуся въ 8 верстахъ отъ границы и слывущему подъ названіемъ „хунчунскаго караула“. Отсюда необходимо было послать извѣщеніе хунчунскому фудутуну о нашемъ проѣздѣ черезъ границу: безъ этой предосторожности насъ, конечно, могли бы не пропустить.

Пришлось такимъ образомъ задержаться въ теченіе слѣдующаго дня на этомъ караулѣ и, по правдѣ говоря, остановка эта была для насъ не только необходима, но и полезна: мы стѣлали 25-ти верстный переходъ, и этого было достаточно, для того, чтобы подмѣтить нѣкоторыя неудобства какъ въ укладкѣ вьюковъ, такъ равно и въ ихъ приспособленіи; кое-что пришлось передѣлать, и слѣдовательно время у насъ даромъ не пропало.

Раннимъ утромъ 5-го ноября мы тронулись въ дальнѣйшій путь. День былъ ясный и холодный, потому что навстрѣчу намъ съ запада тянулъ довольно сильный NW, который имѣетъ весьма скверную привычку прогуливаться здѣсь въ теченіе цѣлой осени, а иногда, увлеченный этими прогулками, не перестаетъ увлекаться ими и зимой, принося съ собою леденящій холодъ и цѣлое снѣжное море.

Зимой быть застигнутымъ этимъ „гулякой“ гдѣ-либо въ пути—въ безлюдномъ мѣстѣ—чистая бѣда: ложись и помирай. Да и осенью-то не особенно пріятно попасть въ сферу его холоднаго дыханія. Иной разъ съ утра день обѣщаетъ быть теплымъ, свѣтлымъ и прекраснымъ; солнце свѣтитъ, воробьи чирьяютъ и, отправляясь изъ дома, на вопросъ своего слуги—подать ли пальто, отвѣчаешь отрицаніемъ, вполнѣ увѣренный, что и такъ-то будетъ жарко;—и вдругъ сразу налетаетъ этотъ NW—а онъ всегда налетаетъ сразу, какъ лихой эскадронъ на неожиданнаго его противника,—и пошла потѣха: солнце прячется либо за тучу, либо за облака пыли, песку; случается ирѣдко, что даже мелкая галка не можетъ остаться неподвижною подъ его стремительнымъ папоромъ. Въ воздухѣ слышится свистъ и вой, какъ будто бы 100 чертей и 300 вѣдьмъ съ

лысой горы творять свою адскую триану. Всякая тварь, не исключая и человѣка, старается скорѣе скрыться въ своей „норѣ“. А онъ, то рветъ и мечетъ: грохочетъ желѣзными листами крышъ, хлопаетъ ставнями; вздрагиваютъ дома, свиститъ телеграфная проволока и тоскливо и жалобно подвываютъ телеграфные столбы. Положимъ, надо правду сказать, что къ такимъ рѣшительнымъ налетамъ NW не всегда прибѣгаетъ, а дѣлаетъ ихъ, ну, раза два въ мѣсяцъ, чтобы, такъ сказать, люди не забывали бы про его мощь и силу; обыкновенно же онъ дуетъ съ тоскливой монотонностью, которая способна извести не только путника, но и человѣка, сидящаго дома.

Вотъ именно при подобной „тоскливой монотонности“ и мы выступили въ путь, готовясь перейти границу.

Когда выѣхали на околицу хунчунскаго караула, то вдругъ съ одной изъ придорожныхъ сорныхъ кучъ поднялся большой, черный песъ и, понуря голову, поплелся за нами. Не знаю, имѣлъ онъ въ своей собачьей головѣ заранѣе обдуманное намѣреніе—прогуляться съ нами въ Гиринъ, или же такое рѣшеніе явилось у него безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, но только онъ всталъ съ кучи и, встряхнувшись своимъ громаднымъ тѣломъ, присоединился къ намъ. „Пойду съ ними, чортъ возьми:—все лучше, чѣмъ такъ-то лежать“, казалось, говорила вся его апатичная фигура.

Впослѣдствіи мы все горячо полюбили Собольку (такъ его звали), и я не могу воздержаться, чтобы не вспомнить его добрымъ словомъ.

Глядя на довольно тощій видъ присоединившагося къ намъ четвероногого слутника, я не хотѣлъ сначала принимать его въ составъ нашей компаніи, опасаясь, что его брѣнное тѣло не выдержитъ трудностей походной жизни, а потому и приказалъ каваяку какъ-нибудь удалить незнакомца. Но онъ не имѣлъ, повидящему, никакого намѣренія покидать насъ, и когда его гнали, то отходилъ въ сторону, садился и начиналъ какъ-то грустно на насъ поглядывать: почему это, молъ, при всемъ его желаніи и при полной готовности сопутствовать людямъ,— послѣдніе все же гонятъ его отъ себя. Онъ сидѣлъ и размышлялъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока мы не уходили отъ него шагомъ на 200, и потомъ флегматично поднимался на ноги и рысцой догонялъ хвостъ нашей маленькой колонны. Его снова отгоняли и снова:—ретировка въ сторону, сидѣніе и размышленіе.

Такъ повторялось нѣсколько разъ. Надо полагать, что ему

было грустно смотрѣть на вашу настойчивость и испытывать нашу холодность, и вотъ онъ рѣшился испытать послѣднее средство; если ужъ это не поможетъ, такъ я не хочу съ вами вѣяться—идите тогда одни въ свой Гирипъ, а я вернусь.

Такъ, надо полагать, думалъ онъ, подкрадываясь къ фавану, который сидѣлъ недалеко въ сторонѣ и на которомъ онъ и рѣшилъ испытать это послѣднее средство. Конечно, поймать фавана ему не удалось, но за то онъ всѣхъ насъ позабавилъ отчаянной гонкой за летающей птицей,—гонкой, въ которой онъ не видѣлъ передъ собою препятствій, прыгая черезъ калавы и оглашая воздухъ отчаяннымъ и вивгливымъ лаемъ. Когда же достаточно поглумившійся надъ нимъ фаванъ усѣлся преспокойно на одинъ изъ кустовъ, то Соболяка, вырвавъ подъ этимъ кустомъ своими ногами изрядной величины яму, принужденъ былъ ограничиться только подобнымъ проявленіемъ своей ярости, и послѣ этого ему уже ничего не оставалось дѣлать, какъ вернуться къ намъ съ высунутымъ отъ усталости языкомъ и съ разинутой пастью. И тутъ—судьба его была рѣшена, и ему было позволено сопутствовать намъ, потому что большинствомъ голосовъ онъ былъ признанъ забавнымъ псомъ.

Соболяка не принадлежалъ къ категоріи бездомныхъ скитальцевъ; онъ состоялъ на вѣдженіи сотни, стоящей на Хунчунскомъ караулѣ; имѣлъ, вѣроятно, вкусный и питательный столъ, квартиру въ видѣ собачьей будки; наконецъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи быть можетъ любую изъ сорныхъ кучъ, лежа на каковыхъ, могъ предаваться либо сладкому отдыху, либо, наконецъ, заниматься рѣшеніемъ какихъ-нибудь головоломныхъ для собачьей головы вопросовъ. И вотъ онъ промѣнялъ всѣ эти блага и удобства на трудности зимняго скитанія и этимъ показалъ, что онъ далеко не заурядный песъ,—что онъ философъ въ своемъ родѣ. А можетъ быть онъ былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ жизни и принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которымъ не сидится на мѣстѣ и которымъ всюду скучно на землѣ. Не знаю и не берусь отвѣчать на эти вопросы и скажу только одно, что онъ былъ добрый и славный песъ, котораго мы всѣ отъ души не только полюбили за время этого путешествія, но и приваивались къ нему такъ, какъ можно приваиваться къ разумному существу.

Съ собаками онъ былъ строгъ, суровъ, но справедливъ; самъ ни одну изъ нихъ не задиралъ, но задиравшимъ его спуску никогда не давалъ. Будучи и самъ очень ловокъ и силенъ, онъ перѣдко схватывался съ такими „экземплярчиками“, которые

были значительно сильнѣе его и только, благодаря своей безграничной отвагѣ, не былъ никогда битъ. Всегда, послѣ выиграннаго имъ „сраженія“, онъ гордо выбѣгалъ впередъ, съ поднятымъ пушистымъ хвостомъ, и сначала продолжалъ злобно, но тихо ворчать, но, мало-по-малу, это ворчанье переходило въ тихое и тоскливое попискиваніе, которое не вызывалось физическою болью (ранъ и контузій на немъ никогда не бывало), а скорѣе болью нравственной. Этими попискиваніями онъ какъ бы выражалъ свою скорбь по содѣянному и жаловался на то, что вотъ, молъ, какіе подлецы на бѣломъ свѣтѣ завелись;— и не хотѣлъ бы ихъ бить, а приходится.

Случалось и такъ, что на него набрасывалось 5—6 здоровенныхъ псовъ, но и тогда онъ не трусилъ, а прибѣгалъ къ такой тактикѣ: останавливался и, не вступая въ бой ни съ однимъ изъ непріятелей, показывалъ имъ только свои бѣлые зубы—и сердито ворчалъ; непріятели, въ свою очередь, поступали такъ же, но нападать не рѣшались, если же кто-либо изъ нихъ, оцѣтвивъ шерсть и съ выраженіемъ крайней ярости на мордѣ, дѣлалъ нѣсколько крадущихся шаговъ впередъ, то Соболька, не отступая ни на шагъ, начиналъ щелкать зубами съ такой силой, что можно было подумать—не палить ли онъ уже въ своихъ враговъ изъ пистолета. Въ такихъ случаяхъ „сраженій“ никогда не происходило; враги расходились, ворча и ровъ съ досады землю, а Соболька выбѣгалъ впередъ и начиналъ „скорбѣть духомъ по содѣянному“.—Этотъ въ обиду себя не дастъ; молодчуга ты у насъ, Соболька, говорили казаки, лаская добродушнаго пса. Къ слабѣйшимъ себя Соболька былъ великодушень и либо не обращалъ никакого вниманія на какую-нибудь ничтожную пустолайку: пусть, молъ, лаетъ, коли охота; либо ужъ если подобная „мелочь“ очень его дожимала, то онъ легонько хваталъ ее за шиворотъ и отбрасывалъ въ сторону, послѣ чего „мелочь“ поджимала хвостъ и исчезала.

Какъ выше было сказано, намъ приходилось прежде всего миновать крѣпость Хунчунъ, отстоящую въ 25 верстахъ отъ мѣста расположенія нашей пограничной сотни и въ 17 верстахъ отъ границы. Хунчунъ—довольно сильная крѣпость, имѣющая нѣсколько отдѣльныхъ фортовъ, построенныхъ по правиламъ науки и вооруженныхъ, какъ говорили, тяжелыми, дальнобойными пушками. Принадлежа къ территоріи Гиринской провинціи, Хунчунъ считался главнымъ городомъ округа, и представлятелемъ какъ гражданской, такъ и военной власти здѣсь былъ фудутунъ Энь-Сянь, въ подчиненіи у котораго находился до-

вольно сильный гарнизонъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. По положенію своему крѣпость эта могла бы назваться труднодоступной для атаки: обширная и открытая равнина, окружающая ее со всѣхъ сторонъ, преимущественно же со стороны нашей границы, какъ пельза болѣе способствовала обстрѣлу всѣхъ подступовъ, и китайцы, созвавъ это, насыпали здѣсь сильныя батареи. Словомъ, они постарались создать въ данномъ случаѣ „тѣло“ и, на сколько это было можно, успѣли въ этомъ. Что же касается до той „души“, которая могла бы оживить это тѣло и приспособить его для борьбы, то сдѣлать это тѣло и приспособить его для борьбы, то сдѣлать этого они были не въ состояніи, за неимѣніемъ въ самихъ себѣ всѣхъ, необходимыхъ для этого, элементовъ.

Въ 8 верстахъ отъ мѣста расположенія нашей пограничной сотни, — по невысокому горному отрогу пролегаетъ наша государственная граница съ Китаемъ. На самой высшей точкѣ этой возвышенности дорога пересѣкаетъ границу и здѣсь — съ одной стороны стоитъ уныло покривившійся каменный пограничный столбъ, а съ другой — большая глинобитная фанза (домъ), служащая для жительства китайскаго пограничнаго патруля. Мы сильно ознобли, благодаря встрѣчному вѣтру, а потому и вошли въ эту фанзу обогрѣться. Всего только восемь верстъ пробѣжали, а замерзли, какъ мухи зимой, думалъ я, входя въ фанзу, которая оказалась наполненною разнымъ народомъ. Большинство изъ бывшихъ тутъ людей были, конечно, солдаты, но ни по наружной осанкѣ, ни по одеждѣ они не отличались отъ прочихъ посѣтителей, большинство изъ которыхъ были грузовые извозчики; эти послѣдніе, побросавъ свои огромныя арбы, нагруженныя какими-то тяжестями на дорогѣ, забѣжали сюда погрѣться, покурить и покалякать. Известно, что всѣ восточные народы ужасные охотники до этого „каляканія“, и китайцы въ этомъ отношеніи нисколько не отстаютъ ни отъ персовъ, ни отъ турокъ, съ которыми они смѣло могутъ конкурировать въ краснорѣчіи. Здѣсь сидѣлъ и рядомъ приходилось наблюдать картинку, приблизительно, такого содержанія: приходитъ какой-нибудь промерзшій до костей путникъ и сейчасъ же устремляется къ наполненному горячими углями очагу, гдѣ и начинаетъ отогрѣвать свои окоченѣвшія руки. Сначала онъ ни на кого не смотритъ, и все его вниманіе сосредоточено на тепловыхъ лучахъ. Лучи эти, мало-по-малу, начинаютъ оказывать свое благотворное дѣйствіе, и попутно съ этимъ часть вниманія переходитъ отъ нихъ на постороннее, и путникъ, продолжая

потирать свои руки, начинаетъ оглядываться по сторонамъ; онъ что-то высматриваетъ и какъ бы къ чему-то даже принюхивается, такъ что можно даже подуматъ, что онъ сильно голодець и намѣревается „стащить“ что-нибудь съѣдобное, если только оно „плохо лежитъ“. Но вѣтъ, „онъ этого не ищетъ и не къ съѣдобному бѣжитъ“, а вотъ его взоръ облюбовалъ уже какаго-то незнакомца, который сидитъ тутъ же по близости на канѣ (яры) и флегматично куритъ свою трубку. Онъ сначала осматриваетъ сидящаго, переводя глаза то на него, то на угля, и какъ бы что-то обдумываетъ и на что-то рѣшается и, наконецъ, приступаетъ къ дѣлу. Бесѣда сначала ведется отрывистыми фразами, и собесѣдники какъ бы нарочно дѣлаютъ видъ, что не имѣютъ особеннаго желанія продолжать обмѣнъ мыслей, а если и дѣлаютъ это, то только приличія ради. И вдругъ одинъ изъ собесѣдниковъ ватронулъ какой-то, повидимому, интересный вопросъ. Лица у обоихъ сразу сбрасываютъ официальность и даже какъ бы просвѣтляются. Тотъ, который грызъ свои руки, уже достаетъ изъ-за пазухи длинную трубку, со стекляннымъ, или фарфоровымъ мундштукомъ на одномъ концѣ и съ мѣдной чашечкой на другомъ; не торопясь, онъ набиваетъ эту чашечку мелко искрошеннымъ табакомъ, доставая его при помощи этой же чашечки изъ кيسета, при чемъ дѣлаетъ это съ какимъ-то особеннымъ, если можно такъ сказать, „подковыромъ“ и начинаетъ съ наслажденіемъ посасывать, втягивая въ себя табачный дымъ съ такою силою, что можно подуматъ, что онъ могъ бы проникнуть до самыхъ пятокъ, если бы въ организмѣ были бы соответствующіе для сего „дымоходы“. Его собесѣдникъ, обрадованный возможностью поговорить, мѣняетъ уже свою трубку (іенду) на металлическій кальянь (сю-іенду) и клокоча имъ, какъ чохоточный клокочетъ своими изъязвленными легкими, безпрестанно силевываетъ на сторону и, подкладывая все новые и новые варяды въ свою сю-іенду, показываетъ уже свою способность къ краснорѣчію.

И откуда, въ самомъ дѣлѣ, у этихъ сыновъ востока берется такое краснорѣчіе! Вѣдь иной разъ слушаешь, слушаешь такого говоруна и начнешь сомнѣваться въ томъ—не заучилъ ли онъ своей ровной рѣчи по какой-нибудь книгѣ. Мысли у нихъ, какъ ручей,—текутъ непрерывно одна за другой, текутъ гладко, безъ запянкы, какъ текутъ онѣ у актера, говорящаго со сцены хорошо заученный монологъ. Не часто встрѣчаются такіе говоруны между нашимъ простолюдиемъ,—на востокѣ же сплошь и рядомъ приходится на нихъ наталкиваться. Неоднократно,

за время этой поѣздки, приходилось наблюдать, какъ собесѣдники, позабывъ про всѣ свои дѣла, проводили часъ-другой въ оживленной бесѣдѣ, мѣняя свои іенды на сю-іенды, и всегда при этомъ мнѣ казалось, что они курятъ первѣйшаго сорта табакъ, вывезенный изъ Гаванны, или изъ какого-нибудь янаго „табачнаго“ мѣста.

И вотъ, въ этой фаванѣ, набитой на половину солдатами, на половину же извозчиками, люди раздѣлялись на группы, болтали, курили и грѣлись около очага съ углями. Нѣкоторые пили чай изъ грязныхъ фарфоровыхъ китайскихъ чашекъ, а нѣкоторые велегли уже на павъ и, зажегши лампочки, сосали съ наслажденіемъ изъ своихъ большихъ и толстыхъ трубокъ (та-іендъ) опиумъ, безпрестанно скатывая изъ опиѣнной массы конусообразные, похожіе на наперстки, столбикъ и наклеивая ихъ надъ отверстіемъ трубки.

Скажу нѣсколько словъ о способѣ куренія опиума.

Китайцы курятъ опиумъ изъ большихъ и толстыхъ трубокъ, называемыхъ „та-іенда“. Эта та-іенда по своему наружному виду напоминаетъ собою флейту, только она не черная, а желтая и, конечно, не имѣетъ клапановъ. Дѣлается она изъ какого-та дерева, — очень крѣпкаго. На одномъ концѣ та-іенды имѣетъ отверстіе, служащее продолженіемъ канала трубки — и этотъ конецъ берется курильщикомъ въ ротъ и въ силу того, что та-іенда имѣетъ въ діаметрѣ около дюйма—губы курильщика, плотно обхвативъ конецъ трубки, придаютъ какое-то особенное выраженіе лицу, каковое мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось отвратительнымъ. Смотришь на человѣка и видишь, что онъ человѣкъ, какъ человѣкъ, а началъ сосать эту безобразную трубку, и сразу преобразился въ какого-то отвратительнаго идиота: глаза какъ-то бессмысленно вперяются въ одну точку; вся физиономія принимаетъ выраженіе сладострастной сонливости, но все это до тѣхъ поръ — пока трубка находится во рту курильщика;—бросилъ онъ курить, и снова человѣкъ, какъ человѣкъ.

Другой конецъ трубки закрытъ по ея оси, но на боковой ея поверхности просверлено отверстіе, сообщающееся съ каналомъ. Въ это отверстіе ввѣнчивается особый придатокъ, имѣющій форму какъ бы небольшой чашечки. Придатокъ этотъ сплошной и только по своей оси имѣетъ узенькій каналъ, сообщающійся такимъ образомъ съ боковымъ отверстіемъ трубки. Придатокъ этотъ и служитъ для прилаживанія къ нему приготовленной для куренія порціи опиума. Самый опиумъ въ пе-

приготовленномъ для куренія состояніи представляетъ собою довольно мягкую массу, кофейнаго цвѣта и издающую довольно пріятный запахъ; но для того, чтобы курить, необходимо предварительно хорошенько прокипятить его на огнѣ, и для этого употребляется особая маленькая лампочка, — необходимая принадлежность при куреніи.

Курильщикъ, отдѣливъ отъ общей массы небольшой кусочекъ сырого опиума, скатываетъ его между ладонями и, наколовъ на тонкую шпильку, начинаетъ поворачивать его, какъ на вертелѣ надъ пламенемъ лампочки. Опиумъ пузырится, скворчитъ, какъ скворчить яичница, когда ее жарятъ на сковородѣ и начинаетъ пузыриться. Курильщикъ ловко дѣйствуетъ своимъ вертеломъ и, безпрестанно подставляя къ огню менѣе нагрѣтую поверхность, не даетъ капать черезчуръ уже нагрѣтому и разжиженному опиуму.

Прокаптивъ такимъ образомъ отдѣленную имъ порцію, курильщикъ снимаетъ ее съ вертела и, остудивъ, прокатываетъ ее между ладонями и затѣмъ—снова на вертелъ;—такія манипуляціи продѣлываются раза 4—5 и по мѣрѣ кипяченія и прокатыванія опиумъ мѣняетъ свой кофейный цвѣтъ на черный, что происходитъ, главнымъ образомъ, отъ той грязи, которая пристаётъ къ его лицовой поверхности отъ рукъ курильщика.

Когда процессъ кипяченія оконченъ, то сформированный въ видѣ наперстка комочекъ опиума прилѣпляется къ деревянному придатку,—какъ раиъ надъ каналомъ послѣдняго, затѣмъ прокалывается шпилькой, и въ немъ, такимъ образомъ, получается сквозной каналъ, служащій продолженіемъ канала придатка. Та-иногда обхватывается съ одного конца губами, физиономія курильщика принимаетъ идиотское выраженіе, и онъ, лежа на правомъ боку и держа постоянно опиумъ надъ пламенемъ лампочки, съ наслажденіемъ и полной грудью начинаетъ втягивать пары этого одуряющаго и ядовитаго зелья, которое скворчитъ, хрипитъ и пузырится надъ огнемъ. Правой рукой, вооруженной шпилькой, курильщикъ постоянно помѣшываетъ полужидкую гущу, не давая ей возможности расплзаться и расплываться, а также наполнять собою отверстие придатка.

Наконецъ, одинъ зарядъ выкурень, тогда готовится другой, третій и т. д. Иной разъ это куреніе продолжается въ теченіе часа, или двухъ, но я не скажу, чтобы приходилось видѣть тѣ послѣдствія отъ этого куренья, про которыя говорятъ и пишутъ. Каждому приходилось слышать, что курильщики опиума начинаютъ въ концѣ концовъ галлюцинировать,

но, повторяю, что не только не приходилось самому наблюдать что-нибудь подобное, но и отъ китайцевъ я объ этомъ не слышалъ, и все спрашиваемые по этому поводу давали отрицательные отвѣты: „все одно, кака табака кули; голова вѣтъ боли; малъ-мало кули — малъ-мало-сыпи; — ишика холоса (немного кури—немного спи—очень хорошо). Чанъ-фу былъ завиднымъ любителемъ куренья и всегда смѣялся, когда я у него спрашивалъ, не видитъ ли онъ прекрасныхъ „бабушекъ“ (женщинъ), или чертей, или иныхъ чудесъ въ этомъ родѣ: „твоя, барыня, табака кули—бабусика вѣтъ смотили, вачѣмъ моя они кули-бабусика смотили,—моя сыпи ничего не смотили“. Послеъ этого онъ добавлялъ: „худой человекъ много худой болтай, твоя скажи вачѣмъ другой люди худой болтай“ (ты скажи другимъ, вачѣмъ они худое говорятъ).

Не скажу, конечно, чтобы опиумъ не оставлялъ бы никакихъ дурныхъ послѣдствій въ организмѣ человека, и во всякомъ случаѣ послѣдствія эти значительно болѣе вредны, нежели послѣдствія отъ куренья табака; все курящики опиума желтолицы, вялы, худосочны и малосильны. Если же они въ извѣстной, обычной для нихъ часъ не будутъ почему-либо въ состояніи предаться куренію, то дѣлаются просто больными людьми—въ прямомъ значеніи этого слова; у нихъ начинается болѣть голова, появляется головокруженіе и слабость во всехъ членахъ, и въ концѣ концовъ они чувствуютъ себя неспособными ни къ какой работѣ и, дабы избавиться отъ этого неприятнаго состоянія, они, за неимѣніемъ достаточнаго для куренья запаса опиума, скатываютъ изъ брѣвняхъ остатковъ его шлюли величавою съ горошину и проглатываютъ ихъ по одной, либо по двѣ въ день. Чанъ-фу въ дорогѣ нерѣдко прибѣгалъ къ этому средству и увѣрялъ, что „малъ-мало они куси — все одно,—малъ мало кули“.

Итакъ, мы вошли въ фанзу, служащую кавармой для пограничнаго китайскаго караула. Видя, что все мы изрядно таки прозябли, китайскіе солдаты раздобыли гдѣ-то небольшой кушничакъ сузи и начали насъ угощать, съ полнымъ и симпатичнымъ радушіемъ гостеприимныхъ хозяевъ. „Кушай, кушай, балята“ (братъ), говорили они, поднося моимъ казакамъ эту крѣпкую водку, и это „кушай, балята“ звучало непритворнымъ искреннимъ добродушіемъ.

Немного согрѣвшись, мы поѣхали дальше и, спустившись по пологому склону пограничной возвышенности, вступили въ долину, окружающую Хунчунъ. На громадное пространство рас-

кинулась ея ровная поверхность. Тамъ и самъ были видны отдѣльно стоящія фауны и около нихъ группы деревьевъ; видны были спятыя посѣвы, а въ дали, закутанный синеватымъ туманомъ, видѣлся и самый Хунчунъ. Дальше, на самомъ горивонтѣ, громоздились горы—и ихъ нѣжно-фіолетовыя очертанія были прекрасны. Вершины нѣкоторыхъ горъ были уже покрыты снѣгомъ. Полагаю, что если всемъ намъ должна была нравиться раскрывшаяся передъ нами картина, то на Чаянь-фу она должна была произвести самое сильное впечатлѣніе: онъ долженъ былъ знать, что эта чудная панорама включаетъ въ себя все то, что уже не принадлежитъ намъ—русскимъ, а принадлежитъ имъ—китайцамъ—и громадная равнина—и эти горы, и прозрачный воздухъ, и даже это далекое синее небо въ его воображеніи было уже ихъ небо, потому что оно распростерлось надъ ихъ страной. У него даже явилось желаніе возвеличить въ своихъ глазахъ красоту этой панорамы и возвысить цѣнность всего китайскаго надъ русскимъ.

„Русски земля такой гору нѣту, сказалъ онъ мнѣ,—только китайски земля такой гору есть; твоя смотри:—верху гора шипка бѣлый есть,—усе серебро есть“.

„Зачѣмъ снѣга, протестовалъ онъ на мое возраженіе;—моя шиптай-болтай нѣтъ, моя паявда говори:—усе серебро“.—И онъ началъ распространяться по поводу несмѣтныхъ богатствъ, лежащихъ на вершинахъ этихъ „Китайскихъ горъ“, „гору ходи; сыколько хочешь бели—усе твое; Китайски человекъ дянги сыколько хочешь бели“ и т. д. распространялся онъ на эту тему. Я слушалъ его потому, что хотѣлось испытать—до чего можетъ дойти, простительная человеку, хвастливость при восхваленіи имъ своей родины—и тутъ пришлось убѣдиться въ томъ, что она можетъ иной разъ доходить „до геркулесовыхъ столбовъ“,—до того, что даже и снѣгъ, на горахъ лежащій,—становится серебромъ.

Въ 8 верстахъ отъ пограничной черты, какъ разъ на срединѣ разстоянія между этою послѣднею и Хунчуномъ, находится небольшой иніань, въ которомъ расположена какая-то часть войскъ (надо полагать, что нѣсколько десятковъ кавалеристовъ), служащая, вѣроятно, для связи крѣпости съ пограничнымъ карауломъ. Иніань—это родъ маленькой крѣпосцы. Несмотря на свою полнѣйшую непрямѣнность и бесполезность въ военномъ отношеніи, иніани почему-то очень распространены въ Китаѣ—и всюду, гдѣ только содержатся у китайцевъ гарнизоны,—накъ на крайнемъ востокѣ, такъ и на крайнемъ западѣ—въ

какомъ-нибудь Чугучанѣ, Кульдѣ и т. под. пунктахъ,—непремѣнно возведены эти несчастные и первобытные иніаны.

Иніань, если на него посмотрѣть въ планѣ, имѣетъ видъ четырехъугольника. Стѣны его дѣлаются либо изъ камня, либо изъ кирпича, или же просто изъ глины (глинобитныя), высота и толщина стѣнъ различны: отъ одной до двухъ сажень и отъ 1½ до 3 арш. На верху, стѣны снабжены зубцами, между которыми, такимъ образомъ, образуются бойницы. По угламъ иногда возведены небольшія башни съ бойницами же.

По серединѣ одного изъ фасовъ продѣлываются ворота и надъ ними иногда устраивается небольшая башня. Передъ воротами нерѣдко насыпается земляной валъ (траверсъ), на который китайцы смотрятъ не какъ на прикрытіе отъ выстрѣловъ непріятеля, а какъ на преграду отъ злого духа, который почему-то, яко бы, не можетъ проникнуть во внутренность иніана на соблазнъ его гарнизона, при условіи существованія передъ воротами подобнаго препятствія. Не знаю—быть можетъ все это и вздоръ, но мнѣ приходилось это слышать отъ китайскихъ солдатъ. Внутренность иніана застраивается фанзами, въ которыхъ и размѣщается гарнизонъ.

Такой же иніанъ встрѣтился намъ и на серединѣ пути между границей и Хунчуномъ. Еще не доходя шаговъ 200 до этого иніана, я увидѣлъ бѣгущаго къ намъ навстрѣчу человѣка, который держалъ передъ собою доскутъ красной бумаги. По той осторожности, съ которой бѣжавшій держалъ эту бумагу, взявъ ее бережно только двумя пальцами (чтобы не замарать) и держа все время почти на уровнѣ своего носа, можно было подумать, что онъ держитъ въ рукахъ какую-то драгоценность. Впослѣдствіи, когда бѣжавшій, запыхавшись, остановился передъ нами, то эта „драгоценность“ оказалась визитной карточкой офицера, начальствующаго надъ гарнизономъ иніана, а принесшій ее человѣкъ оказался однимъ изъ солдатъ этого гарнизона. Китайцы вообще очень щепетильны по части обмѣна визитными карточками; они даже какъ бы священнодѣйствуютъ, тогда передаютъ свои красныя съ черными буквами (цзверами) визитныя карточки, и этикетъ требуетъ, чтобы взамѣнъ данной карточки, получившій непременно не замедлилъ бы дать и свою и тѣмъ выразилъ бы чувство своего уваженія къ подателю. Если этого не сдѣлать, то можно обидѣть даващаго карточку, или же прослыть въ его глазахъ за невоспитаннаго невѣжу. Вообще разнаго рода этикеты еще крѣпко держатся среди китайцевъ и видимо несколько ихъ не тяготятъ и исполняются ими всегда съ

полнымъ сознаніемъ, что такъ необходимо поступать. Невольно припоминаешь при этомъ наши праздничные поздравительные визиты, которые мы дѣлаемъ далеко не всегда съ полнымъ сознаніемъ ихъ цѣлесообразности,—и все же дѣлаемъ.

Передавъ мнѣ визитную карточку, посланный сообщилъ, что его начальникъ проситъ насъ заѣхать хотя бы на полчаса, чтобы погрѣться и выпить чаю. Пришлось, конечно, согласиться.

Вѣхавъ во внутреннее помѣщеніе иніаня, мы увидѣли толпу китайскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ красныя куртки. У дверей фанзы, построенной какъ разъ противъ воротъ, стоялъ какой-то пожилой уже человѣкъ, въ малиновой шелковой кофтѣ и въ китайской мѣховой шапкѣ, къ верху которой былъ прикрѣпленъ соболій хвостъ, который и свѣшивался сзади шапки. Это послѣднее обстоятельство дало возможность заключить о томъ, что та голова, на которой покоилась вышеозначенная шапка съ хвостомъ, принадлежала человѣку, возведенному въ офицерскій чинъ, ибо, какъ извѣстно, китайскіе офицеры, по установленной формѣ, имѣютъ такіе хвосты на головныхъ уборахъ, генералы же замѣняютъ ихъ павлиньими перьями.

Физиономія этого офицера оказалась добродушной и симпатичной. Главнымъ ея украшеніемъ были умные глаза съ искорками, а второстепеннымъ—мясистый и слегка сизоватый носъ, подъ которымъ красовались небольшіе, тонкіе и висящіе къ низу усы, а ниже ихъ на подбородкѣ выросло нѣсколько десятковъ волосковъ, длинныхъ и тонкихъ, кои и составили собою весьма жиденькую козлиную бородку. Мы поворовались съ нимъ за руку, при чемъ онъ долго трясъ мою руку, раскачивая ее въ стороны и этимъ желая выразить возможно больше радушія при встрѣчѣ. Во время этого „трясенія“ изъ-за его спины на меня начали смотрѣть два другихъ человѣческихъ лица. И они незамедлили обнаружить себя и познакомиться, при чемъ одно изъ этихъ лицъ оказалось принадлежащимъ переводчику: служащему здѣсь же въ иніанѣ, на случай вѣденія какихъ-либо переговоровъ съ нашими казаками, нерѣдко посылаемыми по дѣламъ службы изъ пограничной сотни въ Хунчунъ; другое же лицо принадлежало человѣку, который назвалъ себя фудутуновымъ братомъ („малъ-мало Фудутунъ балята есть“). Этимъ послѣдній тутъ же и пояснилъ, что онъ посланъ самимъ фудутуномъ къ намъ навстрѣчу и что фудутунъ ждетъ уже насъ съ обѣдомъ въ своемъ дворцѣ.

Фудутуновъ братъ произвелъ на меня также хорошее впечатлѣніе; его худошавое и безъусое лицо было симпатично;

что же касается до переводчика, то помню, онъ сразу показался мнѣ нахальнымъ и заносчивымъ парнемъ, гордящимся не въ мѣру тѣми скудными свѣдѣніями по русскому языку, которые онъ только въ силу своего самомнѣнія могъ считать достаточными для отправления обязанности переводчика. Къ тому же онъ мнѣ показался еще какимъ-то упрямымъ и тугимъ на соображеніе человекомъ.

Онъ обладалъ замѣчательно подвижными бровями, которыя во время разговоровъ безпрестанно перемѣщались отъ переносицы до шалки и обратно, а иногда одна бровь оставалась у переносицы, а другая ни съ того, ни съ сего дѣлала прыжокъ подъ шалку и тамъ оставалась въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и тогда изъ его лица сама собою „выкраивалась“ довольно таки омерзительная „рожа“. Такою эквилибристикою бровями онъ продѣлывалъ въ томъ случаѣ, если ему приходилось дѣлать особыя усилія, дабы извлечь изъ скуднаго запаса немногихъ русскихъ словъ, которыя онъ съ грѣхомъ пополамъ могъ пронести, именно тѣ слова, изъ которыхъ можно было бы сложить какую-либо фразу, выходящую изъ рамокъ самыхъ элементарныхъ оборотовъ рѣчи.

Для меня улавливать смыслъ его переводовъ было сущимъ наказаніемъ и, помню, что отъ такого напряженнаго вниманія я становился красенъ, какъ ракъ, и обливался потомъ, какъ бы расколовъ передъ стѣною нѣсколько охапокъ дровъ; онъ же, желая во что бы то ни стало щегольнуть своими познаніями, не рѣдко замѣнялъ мнѣ Чанъ-фу при разговорахъ съ фудутуномъ во время моего пребыванія въ Хунчунѣ.

По приглашенію хозяина, мы вошли во внутреннее помѣщеніе фанзы. Наружной двери почему-то не затворили, а потому въ фанзѣ было холодно и не было лишь только наводящаго вѣтра, который снова заставилъ насъ изрядно прозябнуть.

Прямо противъ двери была устроена въ стѣнѣ задрапированная краснымъ сукномъ ниша, что придавало внутреннему помѣщенію фанзы парадный и довольно красивый видъ. Изъ этой ниши, при помощи постланныхъ въ ней ковровъ и разбросанныхъ подушекъ и валиковъ, получалась широкая тахта, красное же сукно, драпируясь надъ ней красивыми складками, напоминало собою балдахинъ. Мѣдная, хорошо вычищенная жаровня, наполненная горячими угаями, стояла возлѣ этой ниши и распространяла теплоту и угаръ, который былъ довольно ощутителенъ для человека, не привыкшаго къ такому способу нагрѣванія своего жилища. Въ самой нишѣ помѣщался ма-

ленькій на низенькихъ ножкахъ столикъ (чжу-оуза), на которомъ уже дымился налитый въ фарфоровыя чашечки чай и были поставлены бисквитныя печенья и китайскіе пряники съ орѣхами. Чашечки были покрыты фарфоровыми крышками, дабы чай скоро не охлаждался. Обыкновенно, когда пьютъ чай, то не снимаютъ этихъ крышекъ, а шумно и сочно втягиваютъ жидкость черезъ вазоръ между боковой поверхностью крышки и внутренней поверхностью чашки, при этомъ и чайная трава не можетъ уже попадать въ ротъ. При этомъ надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ у китайцевъ чай не заваривается подобно тому, какъ это дѣлается у насъ, т. е. въ чайникахъ; чай непосредственно насыпается въ чашку, которая и наполняется послѣ этого кипяткомъ и лишь только въ дорогѣ, гдѣ-либо на постояломъ дворѣ, или въ фангѣ простолюдная можно было встрѣчать чайники для заварки чая.

Мы усѣлись вокругъ столика. Хозяинъ закурилъ свою трубку, сдѣлавъ предварительно ею такое движеніе, какъ бы намѣреваясь передать ее мнѣ (это обычай вѣжливости), и мы приступили къ обмѣну мыслями. Въ роль переводчика вступилъ „тугой парень“, и тутъ онъ прежде всего показалъ всѣмъ намъ, какъ высоко онъ можетъ поднимать свои брови и какія „рожи“ онъ можетъ выкраивать изъ своей физиономіи. Чанъ-фу нѣсколько разъ старался сбить его съ позиціи, но „тугой парень“, какъ человекъ болѣе смѣлый и рѣшительный, всегда сразу оттиралъ его, стараясь говорить громче его; въ силу чего Чанъ-фу поджималъ свои губы и накладывалъ на нихъ „печать молчанія“. Мнѣ какъ-то неловко было устранить его и тѣмъ показать его начальнику полнѣйшую непригодность его подчиненнаго къ занимаемой имъ должности. Говорили по обыкновенію про дорогу, про погоду, перешли потомъ къ вопросу относительно дружбы и взаимныхъ симпатій русскихъ съ китайцами — и фудутуновъ братъ при этомъ не безъ хитрости спросилъ о томъ, что вѣрны ли, де, слухи, которые ходятъ въ народѣ относительно пособничества русскихъ японцамъ, и „тугой парень“ перевелъ этотъ вопросъ также не безъ хитрой улыбочки.

Съ полчаса мы провели въ подобной бесѣдѣ, попивая чай и, наконецъ, фудутуновъ братъ предложилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, такъ какъ фудутунъ давно уже ждетъ насъ съ обѣдомъ. Послѣ этого, ничего не оставалось сдѣлать, какъ поблагодарить любезнаго хозяина и проститься съ нимъ. Теперь уже къ нашей „кавалькадѣ“ прибавились двѣ личности:

Фудутуновъ братъ и „тугой парень“, при чемъ послѣдній все время гарцовалъ на своей мохнатой лошади, показывая свою удачу и умѣніе ѣздить верхомъ. Фудутуновъ же братъ, какъ человѣкъ уже солидный, не увлекался этимъ и пребывалъ все время въ грустной меланхоліи.

Чанъ-фу, по мѣрѣ приближенія къ Хунчуу, началъ выказывать признаки все большаго и большаго волненія. Полагаю, что ему въ первый разъ въ жизни приходилось вступать въ близкое общеніе съ такими высокопоставленными въ китайской чиновной іерархіи лицами, какъ фудутунъ, а тутъ онъ, черезъ какихъ-нибудь полчаса долженъ будетъ невольно переступить порогъ Фудутунова жилища и предстать передъ священнымъ для него очи самого фудутуна. Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ, волненіе его было совершенно естественно. Онъ нѣсколько разъ подѣзжалъ ко мнѣ и, называя меня то Вашимъ Превосходительствомъ, то барыней, предупреждалъ меня о строгости китайскихъ этикетовъ, которые онъ просто называлъ законами; говорить, что мнѣ необходимо будетъ присѣсть передъ фудутуномъ при свиданіи съ нимъ, такъ какъ это дѣлаютъ все китайцы, при чемъ старался даже объяснить мнѣ, какимъ образомъ надлежитъ совершить это присѣданіе и какъ въ это время надлежитъ держать руки. „Твоя, барыня, не знай, — наша законъ строга есть“, безпрестанно повторялъ онъ, волнуясь все болѣе и болѣе. Въ концѣ концовъ, онъ дошелъ до того, что началъ уже строить планы о наградахъ, если мы съ нимъ сумѣемъ обнорочить фудутуна, при чемъ мнѣ онъ сулилъ въ награду какой-то орденъ, который дастъ мнѣ фудутунъ, а свое вниманіе останавливала на какой-то непонятной для меня „шишкѣ“, про которую онъ безпрестанно упоминалъ въ своихъ мечтахъ. „Моя фудутуна холоса скажи—фудутуна мнѣ кяленки любя—шанка шишка мнѣ давай“. (Если я фудутуну понравлюсь — онъ полюбитъ меня и наградитъ шишкой). Сначала я не понималъ, что эта за таинственная шишка, составляющая предметъ его вождѣленій, но впоследствии оказалось, что эта шишка въ воображеніи Чанъ-фу была ни чѣмъ другимъ, какъ шарикомъ на шанкѣ, играющимъ такую же роль у китайскихъ офицеровъ и чиновниковъ, какую играютъ у насъ погоны и другіе знаки отличія. „Моя фудутунъ шишка давай, — мой офицерски будь“, пояснялъ онъ мнѣ, захлебываясь отъ пріятнаго предположенія возможности украсить свою голову шанкой „съ шишкой“. Было и жалко и смѣшно слушать его наивныя мечты, но все же онъ были интересны именно въ силу ихъ крайней

наивности; въ нихъ слышался какъ бы отголосокъ нашихъ матеріалистическихъ стремленій, при чемъ, въ данномъ случаѣ, мы далеко не ограничиваемся только лишь наивнымъ дѣтскимъ лицепомъ.

День уже сильно клонился къ вечеру и стало еще холоднѣе, когда мы приблизились къ нескланной еще ледянымъ покровомъ р. Хунчунгъ, на противоположномъ берегу которой были видны черепичныя крыши городскихъ строеній, возвышавшіяся надъ зубцами окружающей городъ глинобитной стѣны. На паромѣ мы переправились черезъ рѣку и направились къ мрачнымъ городскимъ воротамъ, двигаясь среди большой толпы, поджидавшей насъ на берегу. Тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти, при чемъ вся эта толпа поражала глазъ полнымъ однообразіемъ своего костюма. Я убѣжденъ въ томъ, что если бы можно было взять по большой толпѣ отъ разныхъ народностей и, поставивъ всѣ эти толпы на какой-нибудь огромной площади, окинуть ихъ всѣмъ взоромъ, то самой разнообразной по костюму будетъ именно китайская толпа, если при этомъ не принимать, конечно, во вниманіе толпы изъ какихъ-нибудь алеутовъ, чукчей, самоѣдовъ или африканскихъ дикарей. На этой площади китайская толпа будетъ выдѣляться однообразнымъ синимъ пятномъ, выражая этимъ однообразіемъ нѣчто цѣнное и однообразное, за что намъ невольно хочется свять передъ ней шапку и поклониться ей. Чувствуется, что эта толпа какъ бы глубже и серьезнѣе всякой другой разноцвѣтной толпы, а поэтому и достойна большаго вниманія и уваженія. Правда, не красивъ и не изященъ китайскій костюмъ, особенно женскій, но костюмъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ національному вкусу, потому что покрой его выработался быть можетъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ во времена сѣдой древности, которую чтитъ китаецъ и во всемъ старается жить въ сферѣ тѣхъ же потребностей, въ которыхъ жили нѣкогда его отдаленные и почитаемые имъ свято предки.

По мѣрѣ приближенія нашего къ городскимъ воротамъ, сопровождавшая насъ толпа росла и росла. На городской стѣнѣ стоялъ какой-то человекъ и дулъ во всю мочь въ длинную и прямую съ широкимъ раструбомъ трубу.

По словамъ Чанъ-фу — это была встрѣча въ честь нашего приближенія къ городу. Человекъ, потрясавшій воздухъ „глазомъ трубнымъ“, извлекалъ изъ своей трубы однообразный, дребезжащій звукъ и, не знаю почему, но мнѣ въ этомъ звукѣ

послышались какія-то дикія и какъ бы грозныя ноты; вмѣстѣ съ симъ въ нихъ чудилось выраженіе какъ бы гордости. Представлялась почему-то фигура сказочнаго богатыря, который, выходя на единоборство съ противникомъ, мощно потрясаетъ оружіемъ, сознавая свое производство надъ врагомъ. Помню, всегда впослѣдствіи, когда приходилось слышать звуки этой китайской трубы—ухо мое улавливало въ немъ это гордое сознаніе своей мощи и силы.

Мы прошли мрачными сводами городскихъ воротъ и очутились въ городѣ. Улица была узка и грязна. По бокамъ вплотную одна къ другой, лѣпились грязныя и унылыя фанзы и лавченки съ разнымъ мелочнымъ товаромъ. Въ воздухѣ носился своеобразный и свойственный только китайскому жилью какой-то грязный и масляный запахъ; впрочемъ, запахъ этотъ, какъ кажется, исходилъ не столько изъ домовъ, сколько отъ людей, запрудившихъ собою улицу; эти люди шли и впереди насъ, и съ боковъ, и сзади; всѣ кричали, галдѣли и размахивали руками. Появились какіе-то конные люди—очевидно, солдаты, одѣтые въ красныя куртки, съ нашитыми на груди большими литерами изъ чернаго сукна. Солдаты эти были высланы намъ навстрѣчу, дабы облегчить намъ возможность движенія по запруженнымъ народомъ улицамъ города. Тѣ круглыя и гладко отполированныя небольшія палки, которыми они на сей разъ были вооружены, прямо говорили о возложенной на этихъ солдатъ миссіи. И дѣйствительно: только и было видно, какъ эти палки, безпрестанно мелькая въ воздухѣ, шлепали по спинамъ тѣснящихся вокругъ людей, послѣ чего эти спины прятались въ толпѣ, а вмѣсто нихъ появлялись другія спины, по которымъ продолжали погуливать отполированныя отъ неустаннаго соприкосновенія съ ними палки. Не будь въ наличности какъ этихъ солдатъ, такъ равно и ихъ палокъ, намъ бы, вѣроятно, долго еще пришлось бы прочищать себѣ дорогу въ толпѣ, но, благодаря ихъ содѣйствію, мы сравнительно довольно быстро добрались до центра города, гдѣ, обнесенный глухой, каменной стѣной, возвышался дворецъ фудутуна. Мы вѣхали въ ворота, продѣланныя въ стѣнѣ, и только тогда почувствовали себя свободными отъ преслѣдованія толпы, такъ какъ ворота вслѣдъ за нами закрылись и никто не былъ черезъ нихъ пропущенъ. За воротами оказался довольно обширный четырехъугольный дворъ, на которомъ мы и спѣшились.

На одной изъ сторонъ двора возвышалась большая, крытая черной черепицей, каменная фанза, имѣвшая по срединѣ своего

мрачнаго и унылаго фасада сквозныя ворота, въ которыя можно было разсмотрѣть другой—внутренній дворъ и на немъ человекъ 50 солдатъ, построенныхъ для встрѣчи—въ одну шеренгу. На крыльцѣ этой фанзы, влѣво отъ воротъ, помѣщалась какая-то крытая синей матеріей двухколесная колымага, оказалось потомъ, что это былъ выѣздной экипажъ самого фудутуна. Надо правду сказать, что этотъ экипажъ, по своему устройству, далеко не могъ удовлетворять даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ отъ этого типа повозокъ, и пожалуй не будетъ ошибкой, если мы назовемъ его не экипажемъ, а какимъ-то допотопнымъ старьемъ, которое, появившись на свѣтъ бѣлый во времена сѣдой старины,—такъ съ тѣхъ поръ и не мѣняло своей внѣшности. Такія же точно повозки мнѣ приходилось впоследствии перѣдко видѣть въ Нангутѣ и въ Гиринѣ, и въ нихъ по большей части ѣздили богатые по внѣшности и чиновные по наружнымъ отличіямъ люди. Экземпляръ, который теперь красовался у воротъ дворца, состоялъ изъ небольшого кузова, въ общемъ напоминающаго собою бабью голову, намотанную въ синій платокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ у этой головы должны были находиться уши, были продѣланы небольшія квадратныя отверстія, со вставленными въ нихъ стеклами. Внутренность этой „бабьей головы“, хотя въ общемъ была велика, если ее приравнивать къ вмѣстимости ея прототипа, но все же въ нее при полномъ желаніи и даже усиліи нельзя было бы помѣститься двумъ сѣдокамъ,—и одному-то, если онъ будетъ, что называется, „человѣкомъ съ вѣсомъ“, не совсемъ, полагаю, удобно путешествовать, сидя въ тѣнотѣ и поддерживая постоянное общеніе съ боками и съ верхомъ кузова при посредствѣ своихъ боковъ, спины и головы. Имѣющій столь странное сходство съ закутанной въ платокъ головой кузова (бываютъ же люди, похожіе на таракановъ, а кажется, что можетъ быть общаго между человѣкомъ и тараканомъ) былъ утвержденъ непосредственно на толстой деревянной оси, продѣтой черезъ ступицы огромныхъ и неуклюжихъ колесъ, окованныхъ толстѣйшими шинами и украшенныхъ мѣдными кнопками и пуговками. Столь простое соединеніе кузова съ ходомъ не говорятъ, конечно, въ пользу удобнаго и спокойнаго передвиженія въ подобномъ экипажѣ.

Гуть же около этой колымаги помѣщались въ особой стойкѣ какія-то алебарды на длинныхъ и тонкихъ черенкахъ.

Оставивъ казаковъ на дворѣ, а въ сопровожденіи Чанъ-фу, „тугого парня“ и фудутунова брата, направился черезъ ворота на второй дворъ. Чанъ-фу волновался, вздыхалъ и растерянно

улыбался; брови тугого парня совершали безпрестанныя передвиженія отъ переносицы къ шапкѣ и обратно, и только лишь фудутунувъ братъ, какъ человекъ уже бывалый, сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Такъ мы вошли на этотъ дворъ, представлявшій собою квадратъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ высокими каменными фанзами, окна которыхъ съ замысловатыми и довольно художественными переплетами выходили на этотъ дворъ. Все это, какъ оказалось потомъ, были различныя помещенія для служащихъ, самъ же фудутунъ занималъ помещеніе, достигнуть до котораго можно было, пройдя еще одинъ такой же дворъ.

Дворъ, на который мы теперь вступили, былъ вымощенъ тесаными плитнякомъ, и тутъ, вытянувшись стрункой, стояла шеренга солдатъ, одѣтыхъ въ красныя куртки. Головы всѣхъ этихъ солдатъ были повязаны темными башлыками, — на подобіе турецкихъ чалмъ. Солдаты стояли безъ ружей и, приглядываясь къ нимъ, я замѣтилъ, что всѣ они были здоровые и красивые парни — надо думать, отборные люди изъ всего хунчунскаго гарнизона; а можетъ быть это были какіе-нибудь тѣлохранители фудутуна, не знаю про это. Они стояли молодцами; видна была выправка. Ихъ красныя куртки и темныя, красно повязанныя чалмы придавали всему фронту довольно эффектный видъ, чего, по правдѣ говоря, я даже не рассчитывалъ встрѣтить, тѣмъ болѣе, что раньше приходилось слышать, что китайскіе солдаты совсѣмъ не похожи на солдатъ, что у нихъ нѣтъ ни выправки, ни вообще того, что принято подразумѣвать подъ словами „войскій видъ“.

Впослѣдствіи, правда, пришлось убѣдиться изъ томъ, что подобный отзывъ о китайскомъ войскѣ почти справедливъ, такъ что на этихъ хунчунскихъ молодцовъ надо смотрѣть какъ на исключеніе изъ общаго правила.

Пройдя этотъ дворъ, мы снова подошли къ воротамъ, продѣланнымъ посреди фасада одной изъ фанзъ, построенныхъ на фасѣ этого двора, при чемъ ворота, до сего времени плотно закрытыя, при нашемъ приближеніи вдругъ распахнулись и обнаружили за собою такой же точно дворъ, какъ и тотъ, по которому мы только-что прошли. Здѣсь, у этихъ воротъ, мы были встрѣчены какимъ-то очень полнымъ, но блѣднлицымъ человекомъ, оказавшимся впослѣдствіи чиновникомъ, на обязанности котораго, повидимому, лежала ховайственная часть домоуправительства фудутуна, ибо всѣ распоряженія „по съѣдобной части“

во время обѣдовъ и завтраковъ исходили отъ этого жирнаго человѣка, который, по правдѣ говоря, былъ дѣйствительно мастеромъ своего дѣла, т. е. все время питалъ насъ на славу; полагаю, что если бы можно было прожить въ теченіе мѣсяца подъ благосклоннымъ покровительствомъ этого человѣка, то можно было бы значительно уплотнить и утяжелить свою фигуру. Движенія встрѣтившаго насъ человѣка были медлительны и плавны; отъ всей фигуры его сразу повѣяло какимъ-то невозмутимымъ спокойствіемъ; казалось, что онъ былъ гордъ этимъ спокойствіемъ и, вѣроятно, способенъ былъ превратить всѣхъ тѣхъ людей, которые въ состояніи волноваться и беспокоиться. Бываютъ такіе люди, на которыхъ посмотришь и какъ-то невольно сравнишь ихъ съ тѣми обломками скалъ, которые валяются на морскомъ берегу: имъ (этимъ обломкамъ) нѣтъ дѣла до того, что предъ ними волнуется и шумитъ вѣчно живое и вѣчно прекрасное море; они не видятъ шумно надвигающагося вала, который черезъ секунду обрушится на нихъ и зальетъ ихъ своею пѣной, изъ-подъ которой они все равно снова выплывутъ на свѣтъ Божій и, обсохнувъ, будутъ лежать по-прежнему грузно и неподвижно. Они холодны и безучастны къ послѣднимъ усиліямъ изнемогшаго въ борьбѣ съ волною пловца и если онъ, разбившись объ нихъ, окраситъ ихъ своею кровью, то и тогда они по-прежнему будутъ столь же грузны и неподвижны. Не радуется и не веселитъ ихъ спокойная и все же дышащая и живая поверхность моря, когда въ нее смотрится заходящее солнце; они одинаково слѣпы и глухи къ тихой и нѣжной гармоніи весенняго вечера и къ ужасной фугѣ урагана, ревущаго ненастью, осеннею ночью... На берегахъ житейскаго моря не рѣдко встрѣчаются такіе же „камни“—и встрѣтившій насъ теперь жирный незнакомецъ почему-то сразу показался мнѣ похожимъ на одинъ изъ такихъ камней.

Онъ флегматично сунулъ мнѣ въ руку красную визитную карточку фудутуна и, остановивъ свой взоръ на Чанъ-фу, началъ что-то говорить монотонно и важно, безпрестанно причмокивая губами. Можно было подумать, что онъ, наѣвшись до полусоннаго состоянія, пережевываетъ послѣдній, жирно намащенный блинъ и въ то же время отдастъ приказаніе о томъ, чтобы ему приготовили помягче и поудобнѣ постель для пріятнаго отдохновенія. По правдѣ говоря, я готовъ былъ уже повѣрить въ то, что смыслъ его словъ, обращенныхъ къ Чанъ-фу, былъ именно въ этомъ родѣ, но оказалось, что этотъ смыслъ былъ нѣсколько явой, т. е. жирный незнакомецъ передавалъ

мяѣ черезъ переводчика приглашеніе фудутуна отобѣдать у него сегодня.

Во время этихъ переговоровъ, мы остановились въ воротахъ, отдѣляющихъ одинъ дворъ отъ другого, и когда переговоры кончились, то прослѣдовали дальше. Жирный незнакомецъ присоединился къ нашему шествію и тутъ же вступилъ въ разговоръ съ фудутуновымъ братомъ, не мѣняя своего монотоннаго, тихо, но важно звучащаго голоса. Чанъ-фу волновался все болѣе и болѣе; онъ тяжело дышалъ и шопотомъ даже взывалъ къ Богу, повторяя безпрестанно: О Господи! О Господи! Черезъ ворота онъ не прошелъ свободно, а какъ-то провилянулъ бочкомъ, какъ бы протискиваясь черезъ какую-то тѣснину, хотя надобности въ подобномъ протискиваніи рѣшительно никакой не усматривалось. Къ подобному протискиванію онъ прибѣгъ, желая выразить этимъ свое ничтожество и вмѣстѣ съ симъ свою почтительность.

На этомъ второмъ дворѣ стояла стружкой шеренга такихъ же молодцовъ, какъ и на первомъ дворѣ; на порогѣ же фанзы, занимающей противоположный воротамъ фасъ двора, стоялъ какой-то человѣкъ, одѣтый въ малиновую шелковую кофту, отороченную собольимъ мѣхомъ. Чанъ-фу, завидя его, подбѣжалъ ко мяѣ и съ трепетомъ шепнулъ на ухо: „смотри, барыня, наша фудутунъ есть“. Сказавъ это, онъ глубоко вздохнулъ и отдалъ себя въ руки судьбы. Полагаю, что въ данную минуту онъ чувствовалъ себя такъ же, какъ чувствуетъ плохой ученикъ, слышавъ, что учитель громко назвалъ его фамилію, вызывая его къ экзаменаціонному столу.

Подойдя къ фудутуну, я увидѣлъ, что онъ былъ далеко еще не старый человѣкъ съ изжелто-смуглымъ лицомъ; портили его большіе и желтоватые зубы, которые онъ показывалъ, складывая ротъ въ привѣтливую улыбку. Онъ поздоровался со мною за руку, безъ всякихъ присѣданій, говоря въ то же время какое-то привѣтствіе. Чанъ-фу, съ необычнымъ волненіемъ на лицѣ, былъ уже тутъ и приготовился переводить мяѣ рѣчь фудутуна; но предварительно онъ присѣлъ передъ нимъ, сложивъ свои руки ладонями во внутрь и опустивъ ихъ между колѣнами. Фудутунъ ласково потрепалъ его по плечу какъ бы ободряя, и послѣ этого Чанъ-фу окончательно умилился духомъ. Онъ началъ внимательно и подобострастно слушать, стараясь не проронить ни одного слова, и переводилъ мяѣ по частямъ то, что говорилъ фудутунъ, издавая при этомъ какое-то особенное шипѣнье и храпѣнье: фудутунъ скажетъ нѣсколько словъ — сы,

сы, сы — шипитъ уже Чанъ-фу и потомъ переводить смыслъ этихъ словъ на русскій языкъ; фудутунъ послѣ этого продолжаетъ говорить... хо, хо, хо, — хрипитъ Чанъ-фу и снова переводить, потомъ опять — реплики фудутуна, сы, сы, сы и хо, хо, хо и т. д. Это, какъ онъ мнѣ потомъ объяснилъ: „если одна человѣка шипка люби и уважантъ другой человѣка—така говоли есть (если одинъ человѣкъ любитъ и уважаетъ другого, то онъ такъ долженъ съ нимъ разговаривать). Конечно, рѣчь фудутуна онъ перевелъ въ отрывистыхъ и не очень связанныхъ выраженіяхъ и безпрестанно повторяя свои излюбленные слова: „любя и уважантъ“, все-таки оставилъ меня въ невѣдѣніи относительно того—кто кого долженъ былъ любить и уважать—я ли фудутуна или фудутунъ меня. Приди къ совершенно правильному въ данномъ случаѣ выводу, что оба мы должны были взаимно уважать другъ друга, и, видя, что Чанъ-чу окончательно „зарапортовался“ и потерялъ почву подъ ногами, я поспѣшилъ прервать его краснорѣчіе и передалъ черезъ него съ своей стороны привѣтствіе гостепріимному хозяину, поблагодаривъ его и за устроенную имъ встрѣчу—и послѣ этого фудутунъ пригласилъ меня во внутренніе апартаменты, причемъ мы съ нимъ, подобно Чичикову и Манилову, препирались нѣкоторое время жестами о томъ,—кто первый долженъ переступить порогъ входной двери и, въ концѣ концовъ, фудутунъ, какъ хозяинъ, настоялъ на томъ, чтобы я вошелъ первымъ.

Мы вошли сначала въ переднюю, изъ которой направо и налѣво было двери въ находящіяся по ея бокамъ жилыя помещенія. Эти двери были устроены очень оригинально: собственно говоря, если хотите, — дверей и не было, а въ стѣнахъ были продѣланы совершенно круглыя отверстія, имѣющія по сажени въ діаметрѣ. Эти отверстія нижнимъ своимъ краемъ не соприкасались съ поломъ, а возвышались надъ нимъ приблизительно на одну четверть, образуя такимъ образомъ порогъ. Роль дверей играла, въ данномъ случаѣ, плотная синяя матерія, которая, свѣшиваясь складками, драпировала эти отверстія. Отдернувъ эту матерію, фудутунъ пригласилъ меня въ комнату — налѣво, и мы вошли. Комната эта была не очень велика и освѣщалась большимъ окномъ, со вставленной въ него причудливой рѣшетчатой рамой, рисунокъ которой отличался изяществомъ въ своемъ образномъ китайскомъ вкусѣ. Въ центрѣ этой рамы было вставлено небольшое, имѣющее около одного фута въ сторонѣ, квадратное толстое стекло, а остальные фигурки переплета были

наклеены полупрозрачной бумагой, изготовляемой специально для этого назначенія; эта бумага, рассеивая солнечный свѣтъ, дѣлаетъ освѣщеніе комнаты особенно мягкимъ и пріятнымъ для глазъ.

У противоположной отъ окна стѣны были устроены высокія, покрытыя краснымъ сукномъ, ковриками и подушками—нары, и къ нимъ вела одна ступенька, также покрытая сукномъ. Мѣдная жаровня, съ горящими углями, стояла близъ этихъ паръ и слегка умѣренно царящій въ этой комнатѣ холодъ. У окна помѣщался прекрасной работы лакированный красного дерева столъ, и около него кресло. На столѣ въ особомъ ящичкѣ помѣщалась тутъ дощечка для ея натиранія и нѣсколько кистей—но судя по этимъ предметамъ, можно было заключить, что это былъ письменный столъ фудутуна. Тутъ же на другомъ такомъ же столѣ помѣщались большіе бронзовые подъ стекляннымъ колпакомъ часы—очевидно чей-нибудь подарокъ фудутуну. Колпакъ, покрывавшій часы, былъ покрытъ довольно толстымъ слоемъ пыли, изъ чего и можно было заключить, что онъ, разъ надѣтый, такъ и не снимался никогда и механизмъ заключеннаго въ немъ бронзоваго узника давнымъ давно почивалъ въ бездѣйствіи.

Въ общемъ въ комнатѣ было прохладно, и потому фудутунъ, войдя въ нее, остался въ такой же теплой кофтѣ, въ которой онъ былъ на дворѣ, и снялъ съ головы только свою форменную, украшенную перомъ шляпу и замѣнилъ ее мѣховой шапкой безъ пера; шапку же съ перомъ онъ передалъ какому-то молодому человѣку съ шарообразной, отъ излишней полноты, фигурой, а сей шарообразный юноша, взявъ ее бережно въ обѣ руки,—поставилъ ее на столъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пыльнымъ колпакомъ, заключающимъ въ себѣ „бронзоваго узника“.

Въ комнатѣ этой при нашемъ входѣ оказался еще одинъ человѣкъ,—довольно высокаго роста, худощавый, съ мясистыми толстыми, лишенными всякой растительности губами и съ необыкновенно длиннымъ и мясистымъ носомъ.

Природа и безъ того была очень щедра къ нему, наградивъ его такими дарами, какъ толстыя губы и мясистый носъ, и навѣрно многіе изъ насъ, получивъ подобные дары, сказали бы:—и слава тебѣ Господи;—будетъ съ насъ и этого и перестали бы помышлять объ какихъ бы то ни было придаточныхъ украшеніяхъ собственной персоны.—Но очевидно, стоящій передъ нами незнакомецъ разсуждалъ нѣсколько иначе и, не будучи

удовлетворенъ щедрыми дарами природы, прибавилъ ко всемъ этимъ украшеніямъ еще одно, состоящее изъ непомерно длинныхъ ногтей на мизинцахъ обѣихъ рукъ. Я посмотрѣлъ на эти ногти и удивился—искусству и терпѣнію ихъ владѣтеля;—да и было чему удивиться, такъ какъ каждый ноготь имѣлъ около дюйма длины. И всегда какъ-то странно бывалъ предубѣжденъ противъ людей, отпускающихъ себѣ длинные ногти,—но это вѣдь мое личное, и быть можетъ ни на чемъ не основанное предубѣжденіе; мнѣ почему-то всегда кажется, что человѣкъ съ длинными и выхоленными ногтями долженъ быть непременно большимъ эгоистомъ. Быть можетъ, впрочемъ, все это и вздоръ и говорю объ этомъ только потому, что къ слову пришлось.

Фудутунъ тотчасъ же представилъ мнѣ этого франта и оказалось, что онъ былъ правитель его канцелярія—„малъ-мало писарь начальникъ“ (начальникъ надъ писарями) перевелъ мнѣ Чавъ-фу. Мы сѣли, а на парахъ—около жаровни, фудутунъ—въ креслѣ—около своего письменнаго стола, а „писарь начальникъ“—рядомъ со мною—по другую сторону жаровни. Чавъ-фу стоялъ посреди комнаты, безпрестанно присѣдая передъ фудутуномъ.

Драпировка, прикрывающая входной кругъ, опустылась, но изъ-за нея то и дѣло выглядывали любопытныя фізіономіи тугого парня, фудутунова брата, жирнаго незнакомца и шарообразнаго юноши. Слышно было, что за заявѣской собралась кромѣ нихъ еще цѣлая толпа какихъ-то людей, очевидно жаждающихъ посмотрѣть на все происходящее въ комнатѣ.

Разговоръ у насъ завязался не вдругъ, и мы сразу какъ-то почувствовали неловкость, которую по большей части ощущаютъ люди при первомъ знакомствѣ, когда они уже пожали другъ другу руки и, занявъ мѣста, начинаютъ сознавать, что необходимо приступить къ разговору. Взглянувъ на хозяина, я увидѣлъ на его лицѣ растерянную улыбку, и это отнюдь не придало мнѣ бодрости. Необходимо было хоть о чемъ-нибудь начать говорить, дабы вывести и себя и его изъ несовсѣмъ ловкаго положенія. Онъ молчалъ и какъ-бы надѣялся на то, что быть можетъ я прерву это молчаніе; я же въ свою очередь такъ же молчалъ, не будучи въ состояніи, какъ на грѣхъ, ничего придумать и надѣясь на то, что быть можетъ онъ не придумаетъ ли чего-либо. И вдругъ я припомнилъ, что когда проѣзжалъ черезъ мѣсто стоянки нашей пограничной стражи, то командиръ послѣдней, неоднократно бывшій у фудутуна, предупреждалъ меня, что этикетъ требуетъ непременно осведо-

миться о состояніи здоровья китайскаго императора, и я, уцѣпившись за это какъ за якорь спасенія, сейчасъ же приступилъ къ наведенію достодожныхъ справокъ. „Она слава Богу здорова“ перевелъ Чанъ-фу отвѣтъ фудутунъ, и послѣ этого я началъ сознавать, что вотъ вотъ наступить снова неловкое молчаніе, которое во что бы то ни стало необходимо будетъ снова чѣмъ-нибудь нарушить, въ головѣ же мелькала проклятая мысль:—ну а дальше, дальше-то что? мысль, съ которой почва начинаетъ уходить изъ-подъ ногъ, на лицѣ выступаетъ потъ и чувствуется положительное умственное безсиліе. Но къ счастью фудутунъ не замедлилъ и мнѣ задать подобный же вопросъ, и мы, такимъ образомъ обмѣнявшись любезностями, начали уже водить глазами по угламъ и по потолку комнаты, думая—о чемъ бы намъ еще поговорить.

Тутъ я вспомнилъ о погодѣ и о томъ, что очень холодно, и началъ разговоръ на эти избитыя темы, а въ головѣ въ то же время не умолкало сознаніе того, что все это очень глупо и то-есть вотъ на чутьчки насъ обоихъ не интересуютъ. Это сознаніе всегда должно возникать у двухъ людей, говорящихъ о погодѣ, потому что говорить объ ней тогда, когда ничего не могутъ придумать болѣе умнаго и занимательнаго и не желая въ этомъ сознаться предпочитаютъ все-же подобный разговоръ неловкому молчанію. Такъ было и теперь.—Отъ погоды мы вѣроятно перешли бы къ разговору о квартирахъ, но такъ какъ повода къ этому рѣшительно ужъ никакого не было, то квартирный вопросъ былъ нами устраненъ, и вмѣсто этого мы заговорили про дорогу, и здѣсь я началъ чувствовать, что почва подъ ногами начинаютъ крѣпнуть, такъ какъ этотъ вопросъ не могъ быть не интереснымъ. Фудутунъ говорилъ, что дорога на Гиринъ плоховата и не вполнѣ безопасна, такъ какъ въ странѣ, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, появилось много разбойниковъ (хунгузовъ) и что въ силу этого онъ принужденъ будетъ назначить конвой для нашей охраны, иначе ему можетъ быть большая непріятность, если въ дорогѣ съ нами случится какое-нибудь несчастіе, для предупрежденія котораго онъ не принялъ никакихъ мѣръ. Не знаю конечно, была ли на самомъ дѣлѣ уже такая опасность при движеніи по дорогѣ безъ китайскаго конвоя и думаю, что конвой этотъ навязывался намъ только подъ видомъ яко-бы нашей охраны, на самомъ же дѣлѣ онъ долженъ былъ играть чисто полицейскую при насъ роль, т. е. не спускать съ насъ ни на минуту подозрительнаго китайскаго ока.

Такъ какъ такая опека не согласовалась съ предполагаемымъ мною во время пути образомъ дѣйствій, то я всячески старался отговорить Фудутуна, благодарилъ его за любовную заботу о нашей безопасности, ссылаясь на моихъ хорошо вооруженныхъ казаковъ и просилъ не беспокоиться и не утруждать китайскихъ солдатъ труднымъ зимнимъ походомъ,—но Фудутунъ и слышать не хотѣлъ „Русски казакъ холоса-китайски казакъ холоса; хунгувы шибко бояся, русски-китайски казакъ смотилъ—шибко пугай есть (русскій казакъ хорошъ и китайскій хорошъ; хунгувы очень ихъ боятся; посмотрятъ на русскихъ и китайскихъ казаковъ и очень испугаются) переводилъ мой Чанъ-фу настоянїе Фудутуна, и послѣ этого онъ неоднократно добавлялъ: „О барыня, она (Фудутунъ) русски шибко люби и уважатъ;—шибко холоса наша Фудутунъ есть“. Такимъ образомъ въ подобныхъ разговорахъ мы провели съ полчаса, когда закрывающая входной кругъ драпировка приподнялась и тѣмъ дала возможность появленію въ комнатѣ шарообразнаго юноши, который и не замедлялъ заявить, что обѣдъ уже готовъ. Фудутунъ пригласилъ всѣхъ насъ въ другую комнату, кругообразный входъ въ которую находится по другую сторону прихожей. Комната эта оказалась значительно большихъ размѣровъ, въ сравненіи съ той, въ которой мы только что сидѣли. По серединѣ стоялъ круглый лакированный изъ краснаго дерева обѣденный столъ, не покрытый скатертью, да это было и совершенно лишнее, потому что его чистая и гладкая, какъ зеркало, поверхность была лучше, опрятнѣе и красивѣе всякой скатерти, вдоль стѣнъ были разставлены сдѣланные изъ краснаго же дерева стулья, хотя между ними было нѣсколько и вѣнскихъ. На одной изъ стѣнъ въ черныхъ багетныхъ рамкахъ красовались какіе-то огромные квадраты, изъ красной бумаги, съ изображенными на нихъ огромными китайскими литерами. Эти литеры, какъ объяснилъ мнѣ впоследствии Фудутунъ, были начертаны якобы собственноручно Императоромъ и изображали собою пожеланіе всякаго счастья и благополучія владѣльцу этихъ красныхъ листовъ, имѣющихъ около 1-го квадратнаго аршина каждый. Если только это дѣйствительно было такъ,—то предоставляю каждому судить—на сколько этотъ обычай святъ и глубокъ по своему внутреннему значенію. На одной изъ стѣнъ красовалось большое зеркало въ багетной золоченой рамѣ, а съ потолка надъ обѣденнымъ столомъ свѣшивалась уже зажженная лампа, съ бѣлымъ фарфоровымъ абажуромъ. Столъ весь былъ установленъ всево-

можными закусками въ китайскомъ вкусѣ, разставленными въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ и тарелочкахъ. Чего тутъ только не было: были и разные маринады, какъ-то грибки обыкновенные, грибки дубовые, растущіе на дубовой корѣ и приготовляемые по особому способу,—марнивованная капуста, лукъ, еще какая-то зелень, пряники, пастила, орѣхи, квашенныя яйца, совершенно темнаго цвѣта, разныхъ сортовъ мясо, варѣнное тоненькими ломтиками, и много разныхъ разностей,— всего уже и не припомню.

Фудутунъ, ставъ около стола и сдѣлавъ особенно граціозный жестъ руками, пригласилъ насъ всѣхъ занять мѣста за столомъ. Повидимому обѣдъ былъ званый, такъ какъ за столомъ кромѣ фудутуна, его помощника (писарь начальника) и меня заняли мѣста фудутуновъ братъ и три какихъ-то офицера, изъ коихъ одинъ былъ уже совсѣмъ старичекъ и два помоложе. Всѣ эти господа вошли въ столовую одновременно съ нами, но гдѣ они были до этого—не знаю. Старичекъ былъ представленъ мнѣ какъ начальникъ надъ всей пѣхотой гарнизона, остальныхъ же двухъ Чанъ-фу отрекомендовалъ такъ: „пушка начальника“ и „малъ мало земля копай“ и на мой вопросъ—что это должно обозначить, онъ пояснилъ мнѣ: что „его шипка холоса знай, какъ пушка земля копай;—его шипка много уцъни есть“ (онъ очень хорошо знаетъ, какъ окапывать пушки землей—онъ очень ученый), изъ чего я и заключилъ, что этотъ „земля копай“ былъ спеціалистъ по инженерной части. Начальникъ надъ всей пѣхотой былъ повидимому очень добродушный старичекъ, любитель поговорить и посмѣяться; что же касается до „пушки начальника“ и въ особенности до „малъ-мало земли копай“, то они держали себя очень сдержанно и солидно. Чанъ-фу также былъ удостоенъ общей трапезы и, водворившись рядомъ со мною, умиленно вздохнулъ и провзнесъ: „О Господи—шипко холоса“.

Около каждаго изъ сидящихъ былъ поставленъ обѣденный приборъ, состоящій изъ фарфороваго блюдечка, чашки, двухъ палочекъ изъ чернаго дерева и небольшой ложечки, по формѣ своей напоминающей чайное ситце. Мнѣ былъ совершенно незнакомъ способъ дѣйствія китайскими палочками, замѣняющими собою при ѣдѣ наши вилки и ножи, и фудутунъ тщетно старался показать мнѣ способъ дѣйствія этимъ застольнымъ оружіемъ; такъ у меня дѣло и не пошло и я предпочелъ дѣйствовать ложечкой. За столомъ прислуживали шесть юношей, которыми командовалъ „жирный незнакомецъ“, исполняя, такимъ

образомъ роль стольника. Всѣ подчиненные ему юноши, среди которыхъ былъ и вѣкомый уже намъ „шарообразный юноша“, имѣли на своихъ головахъ китайскія черныя шапочки, украшенныя бронзовыми шариками, изъ чего я и могъ заключить, что юноши сіи уже чиновны и быть можетъ теперешняя ихъ служба—была только началомъ служебной карьеры каждаго изъ нихъ, ибо ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что эта карьера можетъ быть начинаема именно такимъ образомъ. Мой Чанъ-фу, на вопросъ объ этомъ, не задумываясь, отвѣчалъ:—„О барыня—усе, малъ-мало чина есть; какъ ваша чина, така наша чина—усе одно“ (все это чиновники; какъ ваши чиновники, такъ и наши все одно) и сказавъ это, онъ нашелъ нужнымъ добавить: „О наша законъ шиико серди есть (нашъ законъ очень строгъ). „Шарообразный юноша“ исполнялъ обязанности виночерція и, обойди всѣхъ присутствующихъ, онъ налилъ въ фарфоровую чашку каждаго, изъ имѣющагося у него металлическаго кувшинчика какую-то прозрачную жидкость, выпивъ которую, я пришелъ къ довольно справедливому заключенію, что жидкость эта по своему химическому составу имѣетъ большее сходство съ нашей родной „очищенной“; что вкусъ ея не лишенъ извѣстной пріятной горечи, остроты и крѣпости и что она очень хорошо, какъ говорится: „проходить по всѣмъ жилкамъ и суставамъ“, производя въ организмѣ человѣка тѣ же всѣмъ извѣстныя пертурбаціи, какъ и жидкости, изготовляемыя Поповыми, Смирновыми, Штритерами и прочими радѣтелями на пользу человѣковъ“. Выпивъ, мы всѣ слегка крякнули, показавъ такимъ образомъ полноту своихъ чувствъ—и послѣ этого приступили къ закускѣ. Тщетно я старался ухватить двумя палочками кусокъ какого-то мяса; палочки торчали въ моей рукѣ, какъ какія-то рогулины и ни за что не хотѣли повиноваться державшимъ ихъ пальцамъ. Фудутунъ и всѣ сидящіе за столомъ добродушно улыбались надъ моей неопытностью и только лишь „малъ-мало земля копей“ сохранялъ на своей физиономіи какую-то особенную официальную неподвижность. Видя, что всѣ мои старанія въ данномъ случаѣ не приводятъ къ желательнымъ результатамъ, я положилъ свои палочки и рѣшилъ дѣйствовать ложкой и едва только эта послѣдняя потянулась къ закускѣ, какъ фудутунъ поспѣшилъ положить въ нее своими палочками тоненькій ломтикъ какого-то мяса; „писарь начальникъ“ добавилъ къ нему маленькій дубовый грибокъ;—фудутуновъ братъ—маленькую луковичу;—начальникъ надъ шѣхотой—маленькій величиной съ

орѣхъ пирожокъ; „пушка начальникъ“ также положилъ что-то такое, и даже Чанъ-фу, окончательно умиленный, хотѣлъ было положить въ мою ложку кусокъ квашеннаго темнаго яйца, но видя, что въ ней уже нѣтъ мѣста и что она нагружена до предѣла—препроводилъ этотъ кусокъ въ свой собственный ротъ. „Маль-мало земля копай“ не выразилъ намѣренія добавить чего-нибудь къ содержимому моей ложки и по-прежнему сохранялъ на своемъ лицѣ официальную неподвижность. Чанъ-фу тутъ же мнѣ и объяснилъ, задыхаясь отъ восторга, что „кто палкой ложка кладѣ шника того люби“ (если кто подкладываетъ пищу другому своими палочками—это значитъ, что онъ очень его любитъ и уважаетъ). Послѣ этого онъ добавилъ: „О барыня, нашъ законъ холоса“, и этимъ показалъ, что оцѣнка закона у него всецѣло зависитъ отъ настроенія.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

